
ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ
ПОКА МАШИНА ШЬЁТ
ВЕРА КРУГЛОВА. ВЕЩИ С ИСТОРИЕЙ.
КНИГА ШЕСТАЯ
№1
№2
№3
Иногда самое важное становится видно,
пока машина ещё шьёт.

Вера Круглова. Вещи с историей

Роман Штерн

Пока машина шьёт

«Автор»
2026

Штерн Р. И.

Пока машина шьёт / Р. И. Штерн — «Автор», 2026 — (Вера Круглова. Вещи с историей)

Шестая книга цикла «Вера Круглова. Вещи с историей». На знакомой ткани машина вдруг пропускает стежки. Вера останавливает занятие, а вскоре узнаёт о других жалобах на оборудование после ремонта. Под подозрением — её давний знакомый Павел и его молодой помощник. Но похожие неисправности ещё не означают общей причины. Чтобы найти чужие вещи и сохранить доверие, Вере придётся признать: можно быть рядом с человеком и не ручаться за каждый результат его работы. Уютный детектив без убийства — о ремесле, подменах и цене ошибки.

© Штерн Р. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Комната на три встречи 6
Глава 2. На знакомой ткани 13
Глава 3. Игла осталась в шве 22
Глава 4. Помощник с коробкой 30
Глава 5. Стол уезжает 38
Глава 6. Согласовано не со мной 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Роман Штерн
Пока машина шьёт

От автора

Мы с Вами знакомимся через книгу, и мне хочется начать это знакомство с благодарности. Спасибо за Ваш интерес и готовность уделить ей время. Буду рад, если Вы проведёте его с удовольствием.

Глава 1. Комната на три встречи

— Сумки сюда нельзя, — сказала Маргарита Белкина.

Вера ещё не сняла сумку с плеча.

— Я пока с ней стою.

— Я на будущее. Тут у меня крой бывает. Положат мокрый зонт, а потом скажут, что он сухой.

На длинном столе лежали детали курток, сложенные попарно: тёмно-синие с тёмно-синими, песочные с песочными. К каждой стопке был приколот листок. Белкина подняла край одной детали, проверила, не зацепилась ли нижняя, и только тогда повернулась к Вере.

— Вешалку принесу из коридора. А сумки можно под окно.

— На пол?

— На стул.

— Шесть сумок на один стул не поместятся.

Белкина посмотрела на окно так, словно оно подвело её в переговорах.

— Есть скамейка в кладовке. Узкая, зато длинная.

— Вот её и посмотрим.

Вера прошла между раскройным столом и машиной. Здесь, в действующей части бывшего швейного корпуса, пол покрыли светлым линолеумом, но возле двери остался прежний перепад. Нога сама приготовилась переступить выше. Вера заметила это уже после того, как вошла: тело помнило порог лучше, чем она — цвет стен.

Дальше всё было другим. Перегородка отрезала половину старого помещения, у окна стоял электрический чайник, с потолка свисали новые светильники. Из соседней комнаты доносился короткий дробный ход машины, затем наступала тишина. Никто не гнал общий цеховой шум до обеда. За каждой дверью шили своё и считали свои часы.

— Вы ведь здесь раньше работали? — спросила Белкина.

— В другой части.

— Там теперь плиткой торгуют.

— Видела.

Белкина подождала, не последует ли рассказ, но Вера уже смотрела на лампу над машиной.

— Включите, пожалуйста.

Свет падал хорошо на иглу и почти не попадал на участок перед лапкой. Вера села, пододвинула заготовку, которую достала из сумки, и повернула голову.

— Если показывать с этой стороны, остальные увидят только мою спину.

— Развернуть стол не дам. Провод короткий, да и мне потом работать.

— Стол не надо. Люди могут встать справа, если убрать эти коробки.

— Их всё равно забирать в среду. Только в соседнюю мастерскую не носите: там чужое.

Они переставили два пустых стула. Белкина сначала предложила Вере высокий табурет, потом посмотрела, как та пробует поставить ноги, и принесла обычный стул со спинкой.

— Этот скрипит, но не разваливается.

— Мне подходит.

Скамейка из кладовки оказалась с пятном белой краски на одном конце. Белкина хотела закрыть её обрезком подкладки, но ткань съезжала.

— Пусть так, — сказала Вера. — Краска высохшая. Сумкам красоты не обещали.

Белкина усмехнулась и поставила скамейку вдоль стены. После этого проход остался достаточно широким: можно было подойти к машине, не перешагивая через чьи-то вещи.

На подоконнике стоял календарь. Шестое мая Белкина уже перечеркнула косой линией, хотя было только одиннадцать утра.

— Я так сделанное отмечаю, — объяснила она, поймав Верин взгляд. — На сегодня раскрой закончила.

— А я подумала, вы день списали.

— День ещё жалко. У меня после вас две примерки.

Они сели у свободного края стола. Белкина достала из папки два листа с условиями пользования комнатой. Она арендовала эти помещения не первый год; возможность отдавать комнату под занятия на отдельные часы была согласована с собственником. Вера видела подтверждение ещё при первом разговоре. Теперь оставалось проверить, совпадает ли написанное с тем, о чём договорились.

— Четырнадцатое, двадцать первое, двадцать восьмое, — прочла Белкина. — С одиннадцати до двух. После двух мне здесь надо.

— Заканчиваем в два. На уборку и сборы оставлю время внутри этих трёх часов.

— И раньше половины одиннадцатого приходить не надо. У меня до вас работа.

Вера внесла это в свой экземпляр. В основном расписании «Мерки» оставались второй и четвёртый четверги, с пяти до восьми вечера. В мае они приходились на девятое и двадцать третье. Новые встречи были по вторникам; переносить постоянную группу или возить сюда всё из почасовой комнаты не требовалось.

— За встречу тысяча двести, — сказала Белкина. — Свет, комната и эта машина. Остальные не входят.

— Да. А если занятие отменяется?

— Если вы до предыдущего дня сообщите, комнату я использую сама. Тогда без платы. Если люди уже пришли и вы здесь работали — за это время платите.

Они уточнили порядок: при сокращённой встрече считали фактические часы, при отмене из-за недоступности комнаты или машины плата за неиспользованное время не возникала. Белкина попросила не присылать вечером голосовые сообщения: она могла прослушать и забыть.

— Пишите. Чтобы дата и что отменяется. Я отвечу.

— Хорошо.

— Вы деньги с группы сами собираете?

— Сама. Шесть мест, по две тысячи четыреста за три встречи.

Белкина быстро посчитала что-то на обороте ненужного листа.

— Четырнадцать четыреста. Неплохо.

— До аренды, материалов и платежей.

— Ну да.

Вера не стала перечислять остальное. В сумке лежал расчёт: три тысячи шестьсот за комнату, отдельно ткань для проб, иглы, нитки, подготовка. Ей нравилась эта работа, и она хотела получить за неё деньги. Но четырнадцать тысяч четыреста ещё предстояло заработать, а не просто собрать с шести человек.

— И сразу скажу, — добавила Белкина, — вся мастерская под занятия не освобождается. Ко мне будут приходить, в соседней комнате будут шить.

— Мне нужна эта комната. И возможность спокойно показать приём.

— Тогда договорились.

Они подписали листы. Белкина убрала свой под папку с заказами, а Вера оставила экземпляр на столе, пока не складывая в сумку. Хотелось ещё поработать на машине: на расстоянии от неё комната была уже выбрана, а за самой машиной всё могло оказаться неудобным.

***

— Эти куртки на ней шьёте? — спросила Вера.

— Толстые места. Для подкладки у меня другая. Эту завтра на обслуживание отдаём, к занятиям вернут.

Машина стояла на тяжёлом столе с сероватым покрытием. По переднему краю, немного левее середины, покрытие протёрлось до тёмной основы. У стойки для ниток была приклеена белая табличка с цифрой «4».

Белкина заметила, что Вера ищет, куда положить ножницы.

— В ящике коврик, можно туда. Только маленькие мои не берите, они для надсечек.

Ящик выдвигался туго первые два сантиметра, дальше шёл легко. Внутри лежали щётка, отвёртка с короткой ручкой, несколько катушек, бумажная полоска с размерами и ножницы на зелёном шнурке. Шнурок был привязан к ручке ящика.

— Чтобы далеко не уносили? — спросила Вера.

— Чтобы я сама далеко не уносила.

Лампу Белкина опустила ниже и отвела немного в сторону.

— Так на утолщении видно край. Если сверху светить, всё плоское.

Вера положила под неё подготовленный пакет ткани. Для встречи она выбрала плотную смесовую ткань верха и тонкий утеплитель. Несколько одинаковых заготовок были уже соединены вручную: ровный участок, затем поперечный шов с припусками, сложенными так, чтобы возникло заметное, но обычное для куртки утолщение. На краях она оставила номера карандашом.

— Вы их прямо как детали приготовили, — сказала Белкина.

— А что показывать на случайном лоскуте? Там где-нибудь один слой, где-нибудь пять. Потом человек повторяет на своей вещи и не понимает, почему иначе.

Вера проверила заправку, посмотрела на упаковку игл, которой пользовалась хозяйка, уточнила нитки. В тетрадь записала материал, число слоёв на ровном участке и на переходе, тип и номер иглы, нитки, длину стежка. Настройки, которые она не меняла, тоже отметила. Не для заключения о машине — чтобы к первому занятию не гадать, на чём получилась удачная проба.

Белкина передвинула стул.

— Педаль чуть левее, чем вы привыкли. Я долго сдвигала, чтобы ногу не разворачивать.

Вера устроилась удобнее. В шестьдесят три правое колено охотнее соглашалось на хорошее положение сразу, чем на обещание потерпеть полчаса.

Первые стежки легли ровно. Она провела пакет без рывка, не подтягивая ткань к себе, и замедлилась перед поперечным швом. Машина прошла утолщение, чуть изменив звук, затем снова вышла на ровный участок.

Вера подняла лапку, вынула пробу и перевернула.

— Здесь покажу, что происходит, если припуски не разложить заранее.

— Тогда одну оставьте нарочно толстой.

— Оставила. Пока не шью.

На второй заготовке она проверила ещё один переход, на третьей — более длинный участок. Белкина стояла рядом, скрестив руки, но при каждом приближении к шву немного подавалась вперёд. Не помогала, только следила.

— Хорошо идёт, — сказала Вера.

— Она у меня и шла хорошо. Обслуживание плановое. Почистить, проверить, что положено. Не жду, пока совсем встанет.

Вера разложила три прошитые пробы на столе. На лице не было повторяющихся пропусков, нижняя нить не собиралась петлями. Длина стежка на переходах сохранялась достаточно ровной для того приёма, который она собиралась показывать.

— Для учебной машины очень…

— Она не учебная, — перебила Белкина.

Вера подняла голову.

— Я хотела сказать: для учебной работы удобно.

— Вот. А то мне уже одна звонила: «У вас там учебные машинки?» На этой я партию заканчиваю. Люди потом эти куртки носят.

— Неправильно сказала. Рабочая машина, которую вы даёте на время занятия.

Белкина кивнула. Ей хватило поправки; развивать обиду она не стала.

— Ещё вот что можно показать.

Она взяла непрошитую заготовку, развернула припуск и пальцем прижала край.

— Они часто здесь всё в одну сторону загоняют. А потом на машину сердятся. Я сначала распределяю. Не утюгом до плоскости, а чтобы самому проходу не мешало.

Вера повторила движение.

— Это включим. Только дадим им сначала самим посмотреть, где скопилось.

— И не разрешайте на стол булавки сыпать. У меня под ногой однажды хрустнуло — полдня искала, что сломалось.

Цифра «4» на белой табличке отклеилась с угла. Белкина пригладила её ногтем.

— У вас все столы подписаны?

— Для переноса. Четвёртый к окну, второй к перегородке. Раньше говорила «тот, который мой», а у нас тут у каждой свой.

Вера сложила прошитые пробы в отдельный прозрачный карман папки. На листке написала дату: 6 мая 2030 года. Непрошитые заготовки из тех же материалов положила в соседний. Одну, с намеренно нераспределёнными припусками, отделила полоской бумаги, чтобы по рассеянности не выдать за обычную.

Когда она закрыла папку, Белкина уже убирала свои детали под лёгкий чехол.

— Пойдёмте к Павлу. А то он потом скажет, что вы были рядом и не зашли.

***

Павел вышел из ремонтной комнаты, держа в руке металлическую линейку. На щеке у него осталась светлая полоса пыли, которую он, видно, пытался стереть тыльной стороной ладони.

— Ну что, помещение приняли?

— Приняла. Машину тоже попробовала.

— До ремонта? Правильно. Будете знать, с чем сравнивать.

Он сказал это без настороженности, скорее одобрительно. Вера порадовалась знакомому тону. Осенью, когда Павел готовил стойку для её небольшого показа, они тоже обходились предметными вопросами: вес, крепления, время перевозки. И теперь казалось, что новая работа продолжит ту удачную договорённость, только у каждого будет свой участок.

Из комнаты показался молодой человек с пластмассовым лотком.

— Павел Викторович, эти сюда пока?

— На нижнюю полку. Нет, не ту, где чистые. Тимофей, познакомься: Вера Андреевна Круглова. Практикум будет вести.

Тимофей переставил лоток в левую руку.

— Жаров, — сказал он и протянул правую, но посмотрел на пальцы и убрал. — Здравствуйте. Я пока…

— Я тоже из-за машины, — ответила Вера. — Можно без рукопожатия.

Он улыбнулся. На рукаве у него зацепилась короткая белая нитка; Тимофей снял её и сунул в карман, чтобы не бросать на пол.

Ремонтная комната была небольшой, с двумя рабочими столами и свободным местом у стены. Дальше по коридору находилась ещё одна дверь, шире обычной. Из неё вышел мужчина с рулоном упаковочного картона под мышкой.

— Здесь надо оставить проход, — сказал он Тимофею. — Тележку завтра повернуть негде будет.

— Я её к стене поставил.

— Если к стене, ручка дверь перекроет. Лучше вон туда, за выступ.

Павел представил его:

— Михаил Савельевич Кленов. Он весь этот заказ собрал. Приём, доставка, выдача — у него. Я занимаюсь ремонтом.

Кленов переложил картон и поздоровался с Верой. Говорил он негромко, не стараясь перекрыть остальных.

— Маргарита рассказывала про занятия. Хорошее дело. Когда люди знают, чего от машины хотят, с ними проще работать.

— Иногда они хотят больше, чем она может, — сказала Белкина.

— Для этого и надо объяснять.

Он открыл широкую дверь. Внутри вдоль стены стояли два стола без машин, стопка упаковочных прокладок и низкая тележка. На прочной подставке лежала промышленная головка — тяжёлая верхняя часть машины, почти такая же по форме, как у Белкиной, только с заметно потемневшим покрытием возле основания. Рядом находился старый внешний двигатель, связанный проводами с отдельным блоком управления.

— Это ваше? — спросила Белкина.

— Моё. Купил в запас. И головку, и привод с управлением. Не всё новое брать, иначе резерв дороже работы выйдет.

— Только не заставляйте тут всё, — сказал Павел. — Мне готовые куда выкатывать?

— Справа место оставлено. Ты испытал, мне передал — дальше я владельцу звоню и машину на вывоз ставлю. Тебе ждать получателя не надо.

Кленов показал рукой свободный ряд у стены. Из этой комнаты можно было выйти обратно в коридор и через несколько метров попасть к погрузочному выходу. Там уже лежала широкая резиновая накладка через порог. Возить тяжёлое оборудование мимо раскройных столов не требовалось.

Тимофей подошёл к головке на подставке.

— Её сейчас подвинуть?

— Вдвоём, — сказал Кленов. — И не за нитенаправитель. Возьми здесь, под основание. Я с этой стороны.

Он дождался, пока Тимофей устроит руки, и вместе с ним перенёс головку на соседнюю устойчивую поверхность. Перед тем как опустить, поправил деревянную прокладку.

— Наклонять потом будете — опору проверьте. У этих посадка одинаковая, но если резинки просели, ровно не сядет.

Павел кивнул:

— Знаю.

— Я ему, — Кленов показал на Тимофея. — Ты-то знаешь.

Вера заметила, как молодой человек удержался от ответа. Ему явно хотелось, чтобы знание Павла не закрывало весь разговор заранее.

— Вы тоже ремонтом занимались? — спросила она Кленова.

— Наладчиком работал. Теперь больше машины вожу да с людьми договариваюсь.

— Что труднее?

Он усмехнулся.

— Машину хотя бы можно выключить.

Белкина взглянула на часы и заторопилась к себе: приближалась примерка. Вера осталась с Павлом возле ремонтной комнаты. Кленов вернулся к упаковке, Тимофей поставил лоток на нужную полку и достал блокнот.

— Двенадцать набралось, — сказал Павел. — Все частные. Мастерские, надомницы. Не учрежденческое барахло без хозяина.

— Сколько времени?

— Основной пакет за неделю. Потом то, что с деталями ждать, отдельно. Михаил сам с владельцами связывается, я на звонках по полдня не теряю.

Он развернул на столе график. Впервые за долгое время у него, кажется, было больше назначенных работ, чем пустых промежутков между ними. Павел провёл линейкой по строчке, чтобы Вера не смотрела на чужие суммы.

— Оплата этапами. Не так, что приедешь, разберёшь, а тебе: «Мы ещё подумаем». Тут можно расходники взять сразу.

— На двенадцать вас двоих хватит?

— Хватит.

Ответил он быстро, прежде чем снова посмотрел на лист.

— У тебя ведь ещё другие заказы.

— Те распределены. Я не в первый раз.

Вера не стала спорить. Павел умел работать и сам отвечал за свой график. Но ей не понравилось, что линейка замерла у нижней строчки и он машинально прикрыл её ладонью.

— На занятиях я ремонт не объясняю, — сказала она. — Только подготовку деталей и результат шва. Если о настройках спросят, отправлю к тебе.

— Хорошо.

— И за твою часть не расписываюсь.

— А я за ваш крой не собирался.

Это прозвучало легко. Тимофей поднял голову от блокнота.

— Павел Викторович, завтра мне можно самому первичную проверку сделать? При вас.

— Сначала приёмка, фотографии, комплектность. Потом проверка.

— Я про потом и спрашиваю.

— Можно. Только не на всех сразу.

Тимофей записал что-то с таким усердием, словно разрешение могло исчезнуть, если его не закрепить.

Павел свернул график.

— Всё успеем, Вера Андреевна. У Маргариты к первому занятию будет готово.

Она верила, что он говорит это всерьёз. Пока другого от неё и не требовалось.

***

Дома Вера первым делом освободила стол от учебной папки. Не убрала далеко, а поставила вертикально возле книжной полки: если оставить посередине, к вечеру на ней окажутся телефон, квитанция и футляр с очками, а собственная работа снова уедет на край.

На столе лежали две передние детали дорожного жилета. Пока из пробной ткани. Вера не решила, будет ли он длиннее сзади, зато уже знала, чего не хочет: глубокого кармана, в котором очки проваливаются под телефон, и маленького красивого кармашка, куда не входит ладонь.

Она приколола бумажный прямоугольник ниже талии, надела макет поверх джемпера и подошла к зеркалу. Стоя всё было удобно. Села — вход в карман заломился. Вера вытащила булавки и перенесла его выше.

Внутреннее отделение для билета она сначала наметила слева, затем попробовала достать оттуда сложенный лист. Пришлось широко отводить край жилета. В тесном автобусном кресле пришлось бы ещё и локтем соседа задеть.

Телефон зазвонил, когда она держала в одной руке бумажный билет, в другой — булавку.

— Ты уже дома? — спросил Олег.

— Дома. Карман не даётся.

— Это мешает прогулке?

Вера посмотрела на часы. До встречи оставалось сорок минут. Ей хотелось ещё раз открыть расчёт: проверить, достаточно ли заложила ткани на шесть человек, не забыть пакет для готовых проб. Но всё это можно было сделать после ужина.

— Нет. В половине пятого у парка, как договаривались.

— Хорошо. Там дорожку у нижнего входа раскопали. Я со стороны площади подойду.

— Далеко обходить?

— Минут пять. По факту. Я сегодня уже обходил.

— Тогда у верхнего входа.

Он спросил, понравилась ли ей комната. Вера рассказала про скамейку для сумок и про Белкину, которая не позволяла называть рабочую машину учебной.

— Правильно не позволяет, — сказал Олег. — Мы однажды назвали репетицию открытой, а потом полчаса объясняли, почему всех не пускаем.

— А зачем назвали?

— Звучало лучше, чем «можно троим».

Вера засмеялась. Карман она оставила приколотым выше прежнего места. Позже проверит с настоящими очками, а не с бумажным прямоугольником.

После прогулки они поужинали каждый у себя: у Олега оставалось дело к завтрашней репетиции, Вера хотела спокойно закончить сообщения. Он не предложил зайти «на минуту» и помочь с подсчётами, она не стала звать его ради того, чтобы продлить удачный вечер любой ценой. У парка успели увидеть, как на клёнах раскрываются листья, ещё мягкие и разные по величине. Для шестого мая вечер оказался тёплым; дома Вера оставила форточку открытой.

Белкиной она отправила подтверждение трёх дат, часов и условий отмены. Та ответила фотографией подписанного листа: «Всё так. Скамейку оставила».

В сообщении участницам Вера написала, что за три встречи они будут готовить и прошивать многослойные участки, учиться распределять припуски и сравнивать получившийся шов. Не обещала, что после этого каждая сможет сшить любое пальто. Попросила в первый день не приносить незаконченные заказы: начнут на подготовленных материалах. Шесть мест, две тысячи четыреста за весь цикл; порядок оплаты и отмены был приложен отдельно.

Потом ещё раз прочла слово «промышленная». Не всем, вероятно, нравилось ждать своей очереди к одной машине. Она добавила, что работа будет поочерёдной, с разбором каждой пробы. Лучше узнать об этом сейчас, чем стоя за чужой спиной.

Сообщение Павла пришло, когда она собирала папку:

«Завтра принимаем. Маргарите возврат к 13-му. К вашему занятию успеваем».

Вера ответила: «Хорошо. Первое 14-го, в 11».

Она вложила расписание в передний карман папки, за ним — записи о ткани, нитках и режиме. Ровно прошитые образцы лежали отдельно от заготовок, на которых предстояло работать участницам. Три встречи уже заняли своё место в мае.

Жилет остался на стуле перед зеркалом. Прежде чем выключить свет, Вера сунула очки в новый карман, села и достала их снова. На этот раз край не мешал.

Глава 2. На знакомой ткани

— Мне бы не начинать первой, — сказала женщина у машины. — Я сначала посмотрю.

Она уже сняла сумку и положила на скамейку под окном, но куртку оставила на себе. Села осторожно, не касаясь ногой педали.

— Можно посмотреть, — ответила Вера. — Только куртку лучше снять. Рукав будет мешать.

— Он у меня не широкий.

— Вы сейчас локоть к себе прижимаете, чтобы не зацепиться.

Женщина посмотрела на собственную руку и встала.

К одиннадцати четырнадцатого мая пришли все шестеро. Скамейка оказалась коротка: последняя сумка легла на бок, и хозяйка дважды проверила, не выпадет ли из неё бутылка воды. Белкина убрала с раскройного стола остатки своей партии, но на дальнем краю оставила стопку песочных деталей под линейкой. Вера туда ничего не клала. Для занятия хватало освобождённого места.

Машина стояла там же, где восемь дней назад. Лампу Белкина вернула в согласованное положение; ножницы на зелёном шнурке лежали возле тугого ящика. На белой табличке у края стола по-прежнему была четвёрка. Вера провела ладонью по сиденью стула, убирая короткую нитку, и положила папку на отдельный столик.

— Вчера привезли? — спросила она Белкину.

— После обеда. Я только место освободила. До вечера на другой шила, здесь не садилась.

— Тогда начнём с проб.

Белкина кивнула и пошла к двери, но не вышла: задержалась, слушая, с чего Вера начнёт.

Имен Вера ещё не успела запомнить. Она попросила каждую назвать задачу, ради которой та пришла, и сразу получила шесть разных занятий вместо одного.

Одной хотелось прошить ручки у сумки. Другая принесла вопрос о поясе плотной юбки. Женщина, не желавшая начинать первой, боялась места, где боковой шов встречался с подгибкой.

— Всё нормально идёт, потом бугор. Я подталкиваю, и получается косо. Распорешь — дырки остаются.

— А у меня не косо, — сказала соседка. — У меня на месте мелко-мелко, а за бугром сразу длинно.

— Сегодня как раз посмотрим переход через толщину, — сказала Вера. — Сумочные ручки отдельно не обещаю. Для них ещё важно, какие у вас слои.

Она достала пробу, сделанную шестого мая, и пустила по кругу. На плотной ткани светлая строчка хорошо различалась. Женщины смотрели сперва с лица, потом с оборота; одна провела ногтем поперёк утолщения.

— Тут подрезано?

— Припуски распределены. Не всё срезано до одинаковой ширины. Сейчас разложим, увидите.

Вера показала такую же непрошитую заготовку. Несколько слоёв были закреплены далеко от будущей строчки, чтобы ничего не приходилось вытаскивать перед иглой. Отдельный, намеренно неудобный пакет она оставила в папке, за бумажной полосой.

К машине села другая участница, та, которая хотела разобраться с юбочным поясом. Она прежде работала на промышленной, и педаль её не пугала.

— Сначала прямо, без утолщения, — сказала Вера. — Материал не проталкиваем. Руки только удерживают направление.

Машина прошла короткий участок. Женщина остановилась, подняла иглу и посмотрела на Веру.

— Так?

— Пока да. Теперь продолжайте медленно.

На переходе звук чуть изменился. Вера наклонилась, следя за тканью, но ничего не сказала до остановки. Участница вынула пробу и потянула её к свету.

В двух местах светлая нитка лежала слишком длинными отрезками. Между ними оставались проколы без обычного переплетения.

— Это я? — спросила женщина.

— Пока не знаю. Положите сюда, не распарывайте.

Вера посмотрела на оборот. Рядом Белкина пододвинулась ближе.

— Может, нитка не попала куда надо.

При выключенной машине Вера проверила заправку по доступному пути, посмотрела, свободно ли сходит нить с катушки. Сверилась со своей записью об игле и нитках. Ничего явно неправильного не увидела. Белкина принесла упаковку игл из ящика.

— Эти ставили. Других здесь нет.

Вера записала обозначение. Объявлять по коробке, какая именно игла стояла сейчас, она не стала. Владелица при отключённом питании заменила её на новую из этой упаковки — такого же типа и номера, какой был в записи шестого мая. Вынутую положила на блюдце для мелочей. Вера заново заправила нить и отодвинула стул.

Следующая участница села неловко, подвинулась вперёд и попросила убрать коленоподъёмник подальше от ноги. Белкина показала, как устроиться. На ровном участке всё шло без заметного сбоя. Перед утолщением женщина замедлилась, потом пакет будто задержался, и стежки собрались теснее.

— Не тяните, — сказала Белкина.

Женщина сразу убрала обе руки.

— Я не тянула.

— Сейчас назад придержали.

— Я только ровно держала.

Вера остановила их, положив ладонь на край стола, подальше от иглы.

— Давайте сначала выключим.

Участница посмотрела на неё с таким выражением, будто уже ожидала, что её попросят не мешать машине. Вера забрала пробу и положила рядом с первой.

— Я попробую сама.

Она выбрала заготовку из той же стопки. Проверила состав слоёв, расправила край. Не тот пакет, где специально оставила все припуски вместе, а обычный, подготовленный так же, как удачная майская проба. Выставила длину стежка по записи; прочие регулировки не трогала.

На первых сантиметрах строчка получилась ровной. Вера вела ткань без нажима, чувствуя под пальцами знакомую плотность. У перехода пакет продвинулся не так, как она ожидала: пришлось остановиться, не помогая ему рукой. Она продолжила на малом ходу и закончила короткий участок.

На пробе снова были пропуски.

За спиной никто не заговорил. Вера подняла ткань, повернула к лампе и показала обе стороны.

— Здесь тоже есть, — сказала она. — Значит, дело не объясняется тем, как одна из вас держала материал.

Белкина взяла пробу за свободный край.

— Восемь дней назад она это шила.

— Да.

— И что теперь?

Вера выключила питание. Под столом затих остаточный гул, и стало слышно, как в соседней комнате кто-то передвинул стул.

— Теперь на ней не продолжаем.

***

Одна из участниц посмотрела на часы. Другая достала телефон, положила экраном вверх и ничего не стала печатать. Вера видела эти движения лучше, чем хотела бы.

У неё был приготовлен порядок занятия: короткий показ, работа по очереди, сравнение шести проб. Пока одна шила, остальные должны были готовить следующий переход. Теперь подготовка оставалась, а проверить её результат было негде.

— Можно в соседней комнате взять, — предложила Белкина.

— Там на другой работе сидят?

— Сидят. Но на полчаса…

— Не надо отнимать. И сначала нужно понять, подходит ли она для этих пакетов.

Белкина прикусила губу и ушла к своей стопке деталей. Вера не стала просить её остаться ради поддержки.

Она собрала три неудачные пробы на отдельный лист, а на середину стола положила две непрошитые.

— Машинную часть сегодня прекращаем. Можем разобрать подготовку: где оставлять толщину, как разнести припуски, что не стоит пытаться протащить силой. Это полезно, но полного занятия не заменит.

Женщина с юбочным поясом скрестила руки.

— Я за машинную практику и заплатила. Руками я дома могу.

— Понимаю.

— Мы ведь не просто поговорить пришли.

— Да. Я не буду считать, что всё обещанное провела. За неоказанную часть сделаю расчёт и пришлю отдельно. Оставаться на ручной работе вы не обязаны.

Слова прозвучали спокойнее, чем Вера себя чувствовала. Ей хотелось объяснить, что машину обслужили, что она заранее здесь шила, что никакой причины ожидать этого не было. Но женщине, заплатившей за практику, от этих объяснений не прибавилось бы ни одной удачной строчки.

— А сейчас сколько будет? — спросила она.

— Примерно час с небольшим, если остаётесь. До половины первого. Не буду держать вас до двух только потому, что комната снята.

Женщина посмотрела на соседку.

— Я останусь. Но в следующий раз мне нужно именно попробовать.

— Перед следующим занятием сообщу, что с оборудованием. Сегодня обещать не могу.

Вера подвинула к ней заготовку.

— Здесь можно разобрать без распарывания. Я специально не стачивала поперечный шов.

Работа сначала не пошла. Женщины смотрели на ткань, но всё ещё слушали комнату, словно машина могла сама подать какой-нибудь знак исправности. Вера развернула припуски, показала, где четыре слоя превращались в восемь. Попросила не брать ножницы.

— Вот здесь хочется срезать всё коротко. А потом у самого шва держаться будет не за что. Сначала разложите.

Та, что боялась начинать первой, разгладила пальцами маленький пакет.

— Если один сюда, другой туда, край выходит ступенькой.

— Вы его сейчас смотрите в раскрытом виде. Сложите как в изделии.

Женщина сложила, снова раскрыла и переставила один припуск.

— А, вот почему у меня тянуло.

Она сказала это не Вере, а себе, и после этих слов за столом наконец задвигались руки. Кто-то попросил мел. Кто-то перепутал лицевую сторону и рассердился на собственную метку. Вера достала из папки намеренно нераспределённую заготовку и положила рядом с обычной: теперь они были нужны не для прохода на машине, а для сравнения толщины пальцами.

— Эту тоже прошивали? — спросили её.

— Нет. И сегодня не будем.

— А она бы взяла?

— Шестого числа этот вариант я не проверяла. Не стану придумывать результат.

Белкина, проходя с деталями к двери, остановилась посмотреть, как участницы раскладывают припуски. Поправлять никого не стала. Забрала со своего края линейку и вышла.

Ближе к концу женщина у окна вынула из сумки небольшой лоскут цвета спелой сливы.

— Вера Андреевна, я Галина. Можно одну строчку показать? Вы говорили изделия не приносить, я только это отрезала.

Ткань легко растягивалась поперёк. На ней лежал шов с длинными промежутками между закреплёнными стежками.

— У вас тоже после ремонта? — сразу спросила соседка.

— Павла вызывала. Потом вот так стало. Я ему писала, он спросил, чем шью. А я тем же, что всегда.

Вера положила лоскут на ладонь, не растягивая.

— Всегда на этой ткани?

— Нет, раньше блузки. Обычные. А это я себе решила.

— Какая игла стояла?

— Новая.

— Номер и тип знаете?

Галина покачала головой.

— Из коробочки. У меня там разные.

— Коробочку сохранили?

— Да.

— Тогда пока не будем соединять ваши пропуски с нашими. Здесь другой материал. Нужны игла, заправка, условия работы. Что Павел делал, тоже нужно знать.

— Но с виду ведь то же.

Вера положила рядом одну из сегодняшних проб. Плотный пакет не тянулся даже под пальцами; сливовый лоскут мягко уходил в сторону.

— Нитка местами не образовала стежок и там, и тут. Из этого ещё не видно, почему.

Галина взяла свой образец.

— Я не говорю, что он виноват. Я хочу дошить.

— Это понятная задача. Сфотографируйте упаковку игл и запишите, что за ткань, если осталось название. До проверки на самом изделии не пробуйте.

В половине первого Вера закончила разбор. У каждой осталась подготовленная, но не прошитая проба. Одна женщина аккуратно завернула свою в лист, другая сунула в прозрачный пакет и застегнула его с сердитым треском.

— Сообщение про расчёт сегодня будет? — спросила участница с юбочным поясом.

— Да. Окончательную сумму согласуем, когда я сверю проведённую часть и условия комнаты. Весь цикл сегодня не закрываю.

— Мне только чтобы это не забылось.

— Не забудется.

Вера проводила их до двери. Скамейка под окном опустела. На ней осталась бутылочная крышка; хозяйка последней сумки вернулась за ней и, уже уходя, спросила:

— Пробы домой забираем, потом принесём?

— Да. Только ничего не срезайте до следующего раза.

Когда дверь закрылась, Вера ещё несколько секунд стояла возле неё. Из соседней комнаты шёл обычный рабочий стрёкот. Там никто не объяснял, почему сегодня не получилось.

***

Белкина принесла две чашки, но поставила их на подоконник.

— На стол не буду. У вас тут всё разложено.

— Спасибо.

Чай был слишком горячим. Вера держала чашку за ручку и смотрела на три новые пробы, не решаясь пока собирать папку: хотелось ещё раз увидеть их рядом со старой, без чужих рук и ожиданий.

Белкина положила удачный образец слева, сегодняшний, прошитый Верой, — справа.

— Скажите честно: хуже?

— На этом пакете — да.

— Я не про формулировку.

— И я не про неё. Вот здесь пропуски. Здесь продвижение неравномерное. Это видно. Отчего — я не скажу.

Белкина потёрла большим пальцем край образца.

— Мне завтра подборта на куртках делать. На лёгкой я их не проведу как надо.

Вера посмотрела на песочные детали. Утром они казались частью комнаты; теперь за каждой стоял срок, который не имел отношения к её занятиям.

— Есть где временно прошить?

— Договориться можно. Только привезти крой, подстроиться под чужие часы. И там сначала пробовать. У всех ведь своё настроено.

Она придвинула стул к машине, села, но педали не коснулась. Поправила лампу — чуть левее, как делала шестого мая. Потом сердито вернула её обратно.

В дверь постучали открытой ладонью. Кленов вошёл с рулоном упаковочной плёнки под мышкой.

— Маргарита, место у погрузки освобождается к трём? Мне стол провести надо.

— Освобождается. Только у меня ваша машина не шьёт.

Он остановился.

— В смысле — не шьёт?

— В прямом. Пропускает. Мы занятие остановили.

— Вообще строчки нет?

Вера положила перед ним сегодняшнюю пробу.

— Строчка есть. На переходе через толщину повторяются пропуски. Работали две участницы, потом я. На сопоставимых заготовках.

Кленов поставил плёнку у стены и наклонился к столу. Пробу взял за угол, посмотрел на оборот.

— Настройка могла уйти. При перевозке, при установке. Павлу звонили?

— Сейчас буду звонить, — сказала Вера.

— Позвоните. А я могу другую подать. У меня есть что поставить, не надо вам из-за этого людей распускать.

Белкина повернулась на стуле.

— Я свою менять не собираюсь.

— Маргарита, я же не об обмене. Дать на время.

— Вы каждый раз говорите «поставить другую», будто мне всё равно, на чём работать.

— Я вижу, что вам не всё равно. Поэтому и предлагаю выход. Пока вашу смотрят, шьёте на другой. Никто её у вас не отнимает.

Он говорил без раздражения, и предложение было разумным. Вера невольно представила следующее занятие: машина работает, женщины по очереди садятся к ней, никто не смотрит на часы с недовольством. Можно было бы вернуть неоказанную часть за сегодня и дальше идти по плану.

Но Белкина не встала со стула.

— Сначала пусть объяснят, что с этой. Она до обслуживания такие места брала. Вера Андреевна здесь шила.

— Верю. Я же не спорю.

Кленов положил пробу обратно.

— Просто не надо сразу решать, что всё плохо. Иногда хватает поправить заправку.

— Заправку проверили, — сказала Вера. — Иглу Маргарита заменила на новую, такого же типа и номера, как в моей записи. После этого я прошила — результат перед вами. Дальше ничего не регулировали.

— Хорошо. Пусть Павел посмотрит.

— Только эти образцы я оставлю как есть. И машину пока не надо менять местами с другой. Сначала разобраться с ней.

Кленов взглянул на Белкину.

— Как хозяйка скажет.

— Пока не трогать, — сказала она. — Если понадобится унести на проверку, отдельно договоримся.

Он поднял плёнку.

— Значит, к трём проход свободен?

Белкина кивнула. После его ухода она ещё немного посидела у машины, потом встала и забрала чашку с подоконника.

— Если бы я согласилась, он бы сейчас привёз. А завтра опять разбираться, где моя, где временная.

— Может, временная вам и понадобится.

— Может. Но я хочу сначала понять.

Вера раскрыла тетрадь. На чистой странице поставила дату: четырнадцатое мая. Записала, кто по очереди работал, какие заготовки использовали, что проверили и когда заменили иглу. Возле своей пробы отметила, что регулировки механизма не выполнялись. Не стала писать «после ремонта испорчено»: она не знала, что именно произошло.

Белкина прочла через её плечо.

— А что до этого шила, есть?

— Есть. От шестого.

Вера показала прежнюю страницу. Потом убрала старую пробу в один бумажный конверт, новые — в другой, подписав каждую на отдельной прикреплённой полоске. Оставшиеся заготовки сложила в третий.

— По комнате тоже посчитаем, — сказала она. — До двух я вас занимать не буду. Ручная часть закончилась в половине первого, сейчас уберу.

— Я за неработающую машину полную плату брать не собираюсь.

— Хорошо. Сегодня зафиксируем время, вечером сведём.

Белкина поставила чашку.

— Вы ведь могли просто сказать, что занятие провели. Они же сидели.

— Они не за сидение платили.

Вера ответила резче, чем хотела. Белкина ничего не сказала, только подала ей оставшуюся у края стола линейку. Вера взяла её и добавила уже тише:

— Я поняла, вы не это предлагаете.

— Не это, — подтвердила Белкина.

Они закончили уборку вместе.

***

Павел ответил не сразу. Вера успела выйти из корпуса и остановиться у глухой стены, где не мешали чужие разговоры.

— Что случилось? — спросил он. На заднем плане что-то металлически стукнуло.

— На машине Маргариты сегодня пропуски. Мы машинную часть остановили.

— Кто шил?

— Сначала две участницы. Потом я.

— Какую ткань сунули?

Вера посмотрела на сумку с папкой.

— Не сунули. Тот же подготовленный пакет, который я проверяла шестого.

— Вера Андреевна, я спрашиваю материал, а не ваше отношение.

Она замолчала. Слова действительно были про материал. Но ей понадобилось усилие, чтобы назвать его без нажима, затем перечислить слои, нитки и иглу.

Павел выслушал.

— После замены иглы тоже?

— Да. Я сама после замены работала.

— Натяжение крутили?

— Нет. Длину стежка выставила по своей записи. Заправку проверили. Больше ничего.

— При продвижении придерживали сзади?

— Я не тянула ткань.

— Я не сказал, что тянули. Мне надо понять.

Вера опёрлась свободной рукой о ремень сумки. Он задавал нужные вопросы. Она могла бы задавать такие же заказчице, принёсшей перекошенный рукав, и всё же сейчас каждый новый вопрос слышался ей попыткой найти ошибку по эту сторону телефона.

— У меня есть пробы до обслуживания и сегодняшние, — сказала она. — Я могу показать. Про причину ничего не утверждаю.

— А людям что сказали?

— Что работа на машине прекращена, потому что дефект повторился.

— При всех?

— Павел, они сидели рядом.

На том конце снова стукнул металл. Потом стало тише.

— Я её прогонял. Нормально шила.

— Верю, что ты проверял. Сегодня на нашем материале не получилось.

— Там сейчас не могу. Я на выезде, здесь ещё разобрано.

— Когда сможешь, договорись с Маргаритой. Моё следующее занятие двадцать первого. Но у неё работа раньше.

— Я ей позвоню.

— Хорошо. Если понадобятся мои записи, пришлю.

— Пришлите.

Разговор закончился без ссоры и без привычного короткого замечания, после которого Вера обычно улыбалась. Она отправила фотографию страницы и написала отдельно, что образцы сохранены. Потом убрала телефон.

Дома Вера сначала поела. Только после этого достала соглашение с участницами, расчёт комнаты и лист с временем сегодняшней работы. Шесть оплат за цикл уже поступили; теперь из общей суммы нельзя было просто вычесть аренду и считать оставшееся заработанным.

Она разделила страницу на две части. В одной записала, что состоялось: разбор конструкции, подготовка многослойного участка, работа с припусками, сравнение образцов. В другой — что не выполнено: индивидуальные проходы на машине и проверка результата каждой участницы. Неудачные попытки, сделанные до остановки, в полноценную практику она не записывала.

Если разделить плату за цикл на три встречи, на каждую приходилось восемьсот рублей с человека. Но назначить задним числом цену ручной части только потому, что на листе удобно получалась половина, было бы слишком легко. Вера оставила расчёт предварительным. Белкина подтвердила фактическое время пользования комнатой; стоимость сегодняшнего сокращённого блока они ещё сверяли по своему соглашению.

Участницам Вера написала, что машинная часть первой встречи не оказана и не будет засчитана как выполненная. Указала, какая ручная работа состоялась, и пообещала на следующий день прислать предложение по сумме частичного возврата. Не добавила, что на следующей встрече они наверстают: пока это было бы новым обещанием вместо старого.

Одна женщина ответила сразу: «Жду расчёт». Галина прислала фотографию своей коробочки с иглами; внутри лежали несколько разных пакетиков. Вера попросила ничего пока не выбрасывать и отложила телефон. По этой фотографии выяснить, что стояло в машине во время работы на растяжимой ткани, было нельзя.

К вечеру ей захотелось отменить встречу с Олегом — не ради нового дела, а чтобы никому больше не объяснять свой день. Они собирались пройти до парка и посидеть у верхнего пруда. Вера уже набрала: «Я сегодня устала», — и оставила сообщение без продолжения.

Ответ пришёл через минуту:

«Далеко не пойдём?»

Она посмотрела в окно. Дождя не было.

«Не пойдём. У верхнего входа».

Олег ждал на скамейке, держа рядом сложенную лёгкую куртку. Увидев Веру, встал, но она села прежде, чем он успел спросить, куда направятся.

— Здесь пока можно?

— Я место не продавал.

Она улыбнулась и вытянула правую ногу.

— Занятие сорвалось. Не всё, но главное.

Олег повернулся к ней, чтобы лучше слышать. Вера коротко рассказала про остановленную машину и недовольную участницу. Не стала перечислять настройки и чужие реплики.

— Ты теперь всё время думаешь, что надо было сказать иначе? — спросил он.

— С чего ты взял?

— Сама три раза сказала: «Я им объяснила».

Вера провела ладонью по колену.

— Наверное. Хотя строчка от объяснения не исправится.

Олег кивнул. Он не предложил знакомого механика и не спросил, нельзя ли всё-таки дожать оставшиеся занятия. Некоторое время они смотрели, как мужчина на противоположном берегу убеждает собаку выйти из воды. Собака стояла по живот в пруду и делала вид, что команду подойти к хозяину можно выполнить, не выходя на берег.

— А у вас что? — спросила Вера.

Олег рассказал, как в хоре заменили одну вещь в программе, а папки с нотами раздали старые. Половина хора открыла нужную страницу, половина — другую, и обе половины были уверены, что ошибаются соседи.

— Ты в какой был?

— В неправильной. Но вступил уверенно.

— Хоть кто-то сегодня.

Он засмеялся, и Вера тоже. Потом они всё-таки прошли вдоль пруда — медленно, без решения обойти весь парк. Олег остановился у афиши летнего концерта и стал читать мелкий нижний текст. Вера не торопила его. Она чувствовала усталость в плечах, но уже не перебирала про себя ответы участницам.

Вернувшись, она сняла туфли и убрала со стула макет жилета. Карман, поднятый на прошлой неделе, не требовал новой переделки; Вера повесила макет на плечики, не принимаясь за него на ночь.

На столе оставались два конверта с пробами. Она достала по одной, чтобы проверить подписи перед завтрашним показом Павлу. Шестое мая — ровная строчка через утолщение. Четырнадцатое — длинные незакреплённые участки нити на таком же подготовленном материале.

Разницу можно было показать без единого слова о том, кому Вера доверяла. Какое действие её создало, она пока не знала.

Глава 3. Игла осталась в шве

Нелли Осипова приложила к полочке пальто оставшийся кусок ткани, повернула его и сразу убрала.

— Нет. В другую сторону нельзя.

— Ворс? — спросила Вера.

— И он тоже. У окна вообще другой цвет получается.

Она подняла полочку за плечевой срез. Светло-серая ткань под рукой стала почти серебристой, а на сгибе ушла в тёмный цвет. Вера придержала дверь, пропуская женщину из соседней комнаты с длинным рулоном. Та прошла боком, не прерывая разговора по телефону. Нелли дождалась, пока конец рулона минует её стол, и только тогда опустила деталь.

В этой части корпуса дверь приходилось закрывать не от сквозняка, а от чужих метров.

Пятнадцатого мая Вера пришла забрать оставленные пособия и договориться с Белкиной, когда можно будет показать Павлу вчерашние пробы. Сначала заглянула к Осиповой: длинным раскройным столом в проходной комнате они пользовались по очереди, а на следующей неделе Вере требовалось заранее подготовить заготовки для занятия — если занятие всё-таки состоится.

— В понедельник после трёх свободно? — спросила она.

— После четырёх. До четырёх я там ещё лежу.

— В смысле крой?

— Надеюсь.

Нелли улыбнулась, не поднимая головы. На ней был тёмный фартук с широким карманом, но ножницы она туда не клала: оставляла на отдельном коврике справа от машины. У края стола стоял кухонный таймер. Он молчал; белая стрелка указывала на ноль.

— Напоминает встать, — объяснила Нелли, заметив её взгляд. — Только я сначала выключаю, потом ещё шов заканчиваю. Так что польза спорная.

Она переложила полочку на свободную часть стола. Карман был уже обработан, край борта держала редкая намётка. Вера посмотрела на соединение деталей: ровное, без посадки там, где её не требовалось.

— На примерку?

— Завтра к шести. Сегодня хотела собрать, завтра спокойно посмотреть подкладку. Она после работы приезжает, ей сюда два автобуса.

— За тканью ещё можно съездить?

Нелли покачала головой.

— За этой — нет. Покупали в Твери, остаток отреза. Я потому и кручу каждый кусок. На обтачки хватит, на большую деталь уже не хватит.

Она говорила без жалобы. Подняла маленький лоскут, приложила к выкроенному подборту и отметила мелом место, которое ещё можно было использовать.

— Заказчица решила на себе не экономить, — добавила она. — Говорит, всё время детям хорошие вещи покупала, а себе что достанется. Я ей обещала не делать «как у всех». Теперь главное — не сделать как ни у кого.

— Пока хорошо выходит.

— Пока да.

Из телефона послышался короткий сигнал. Нелли прочла сообщение и набрала ответ большим пальцем.

— Муж спрашивает, во сколько меня забирать. У сына сегодня ужин. Сам готовит, нас пригласил. Первый раз не «приезжайте, у меня холодильник пустой».

— Тогда не задерживайтесь.

— Вот я и хочу до пяти управиться. А то опять привезут холодное и скажут: мы тебя не стали ждать.

Она подвинула к машине полочку. Это была другая машина, не та, на которой вчера занималась Вера: лёгкая прямострочная, для обычных соединительных строчек. На столе перед ней лежала узкая проба из серой ткани.

— Тоже после обслуживания? — спросила Вера.

— Да. Вчера вечером немного пошила. Сегодня с утра здесь сижу.

Нелли подняла пробу, посмотрела на оборот и положила обратно.

— Маргарита сказала, у вас не пошло.

— На плотном пакете были пропуски. Повторила сама — то же самое.

— Паша смотрел?

— Сегодня должен. Я пробы принесла.

— Пусть смотрит. У меня срок, мне некогда за всеми переживать.

Реплика прозвучала жёстче, чем предшествующий разговор. Нелли поправила край полочки.

— Не про вас говорю. Просто вчера уже трое заходили: а у тебя как, а ты слышала? Я шью, пока шьёт.

Вера не стала рассказывать, что Павел тоже был недоволен разговором о машине.

— В понедельник после четырёх, — повторила она.

— Да. Только утром подтвердим. Вдруг у вас опять что-нибудь поменяется.

У Белкиной на полу стояла коробка с готовыми куртками. Хозяйка работала за другой машиной и встретила Веру кивком, не останавливаясь посреди строчки. Пособия лежали на том же маленьком столике, куда их убрали накануне. Вера проверила, все ли бумажные детали на месте, свернула длинную схему и стала искать резинку.

Белкина закончила, обрезала нитки.

— Павел звонил. Освободится — приедет. Точного времени не сказал.

— Мне до половины первого можно здесь.

— Я ему передам.

Они успели сверить время вчерашнего пользования комнатой. Белкина достала свой экземпляр соглашения и сказала, что за машину брать не будет, остаются помещение и свет. Вера положила рядом тетрадь с расчётом.

Из коридора позвали:

— Вера Андреевна!

Она узнала голос Нелли, но не сразу поняла, что в нём изменилось.

— Подойдите, пожалуйста. У меня игла сломалась.

***

Осипова стояла у машины, прижав левую ладонь к фартуку. Правая лежала на краю стола.

— Руку задело? — спросила Вера.

— Нет. Никого не задело. Я выключила.

Клавиша питания была опущена. Нелли показала на вилку, лежавшую возле розетки, и отошла, давая посмотреть.

Полочка оставалась под лапкой. Чуть впереди виднелась вытянутая нить, а рядом — неровное светлое повреждение, слишком близко к намеченной строчке, чтобы принять его за отметку мела. На белом блюдце лежали два кусочка металла. Оставшаяся верхняя часть иглы была в держателе.

— Это на столе нашла, — сказала Нелли. — А кусок, кажется, в ткани. Вот здесь. Я трогать не стала.

Она наклонилась, потом выпрямилась и потянулась к краю полочки.

— Сейчас вытащу. Может, там только нитку подняло.

— Пока не тяните.

— Мне посмотреть надо.

— Давайте сначала снимем, как лежит. Потом посмотрим.

Нелли посмотрела на Веру с раздражением, словно та предложила оставить пальто под машиной до осени.

— У меня не выставка. Мне это завтра человеку надеть.

— Если потянете, можно ещё порвать. Видите, край за что-то держится.

Рука Осиповой остановилась. Она отпустила ткань.

Белкина вошла следом, но осталась у двери.

— Паше звонить?

— Я уже набрала, — ответила Нелли. — Не взял.

Она достала телефон. На экране рядом с пропущенным вызовом было ещё открыто сообщение мужу: «К пяти постараюсь».

Нелли закрыла переписку и включила камеру.

— Что снимать?

— Сначала весь стол, чтобы видно было, где деталь. Потом ближе. Только ничего пока не двигайте.

Вера отошла от лампы, чтобы не закрывать свет. Нелли сделала общий снимок, затем несколько близких. Телефон то ловил резкость на ткани, то на металлической поверхности. Осипова выругалась вполголоса, вытерла объектив краем фартука и сняла ещё раз.

Под лапкой часть пластины была скрыта. Там, где край оставался виден, она прилегала к окружающей поверхности не так ровно, как ожидала Вера. У отверстия темнел след. Вера не знала, что из этого возникло сейчас, а что было раньше.

— Вот это тоже оставьте в кадре, — сказала она.

— Она съехала?

— Я не видела, как было до остановки.

Нелли опустила телефон.

— До остановки я на неё не смотрела. Я на шов смотрела.

— Так и скажете.

Осипова сняла блюдце с найденными частями иглы, не перекладывая их. Затем снова набрала Павла. На этот раз он ответил.

— Паша, у меня игла разбилась. Да, питание сняла. Полочку повредило… Нет, не подгибку. Обычный шов, до утолщения ещё не дошла.

Она выслушала ответ, коротко сказала: «Приезжай» — и положила телефон.

— Через двадцать минут будет. Так сказал.

Вера открыла тетрадь. Написала дату, название мастерской и остановилась над следующей строкой.

— Нелли, вы мне сейчас расскажите по порядку. Я отмечу отдельно ваши слова. Я ведь пришла уже после.

Осипова потёрла лоб тыльной стороной кисти.

— Пошла строчка. Нормально пошла. Потом стукнуло — я ногу убрала. Иглы внизу нет. Выключила, вилку вынула. Эти два кусочка увидела. Больше ничего не крутила.

— Материал вытягивали?

— Хотела. Не успела. Вас позвала.

Вера записала. Своё наблюдение начала с того, что питание было отключено, ткань оставалась под лапкой, найденные кусочки лежали на блюдце. Момент поломки она не видела. Даже звук не могла бы описать: у Белкиной в то время работала машина.

— Зачем вам это? — спросила Нелли.

— Чтобы потом не получилось, будто я видела то же, что вы. Или будто мы уже всё разобрали.

— Я всё равно позову ещё кого-нибудь. Не только Пашу.

— Это вы решаете.

Нелли кивнула, но благодарить не стала. Села на стул у стены, тут же поднялась.

— Она там не должна висеть. Порванное место под весом разойдётся.

Вера помогла подвести под свисающую часть свободный столик. Теперь полочка лежала почти целиком, не оттягивая участок возле лапки. Больше они ничего не перемещали.

— Можно пока заказчице позвонить, — сказала Белкина.

— Что я ей скажу? «У меня сломалась игла»? У неё дома тоже иглы ломаются. Она скажет: другую поставьте.

Нелли посмотрела на серую ткань.

— Надо сказать, что деталь повреждена. Но я ещё не знаю, насколько.

Белкина хотела что-то ответить и промолчала. Вера была ей за это благодарна. Сейчас любое «может, обойдётся» прозвучало бы как просьба к Нелли поскорее успокоиться.

***

Павел пришёл без куртки, с рабочей сумкой в руке. На виске у него осталась влажная полоса, будто он только что умылся и не вытерся как следует.

— Не включали больше?

— Нет, — ответила Осипова.

Он поставил сумку на пол, проверил вилку и наклонился к машине. Вера видела, как взгляд его задержался возле пластины. Павел потянулся к маховику, но Нелли остановила:

— Сначала посмотри снимки.

— Я и так смотрю.

— Снимки посмотри. Я сделала, как стояло.

Он выпрямился. Взял её телефон, пролистал фотографии, вернул.

— Что шили?

Осипова показала намеченную линию. Павел проследил её пальцем в воздухе, не касаясь ткани. Потом посмотрел на разрыв. До этого он двигался быстро, привычно; теперь снял очки, которые надевал для близкой работы, протёр их о чистый край футболки и надел снова.

— Это в готовом месте?

— Это полочка. Карман уже сделан. Сама видишь, — сказала Нелли Вере и тут же поправилась: — Сам видишь, Паша.

— Вижу.

Он спросил, когда после возврата начали шить, какую иглу ставили, меняли ли её сегодня. Осипова отвечала, иногда слишком громко. Вера не вмешивалась. Эти вопросы были нужны, хотя вчера те же интонации по телефону злили её саму.

— Ничего снизу не открывали? — спросил Павел.

— Нет.

— Пластину не снимали?

— Я тебе уже сказала: не открывала. Шпульку меняла. Всё.

Павел присел на корточки возле стола, но ничего не отвинчивал.

— Надо освободить ткань. И обломок достать, если остался.

— Только без «я сейчас всё поправлю», — сказала Нелли. — Сначала так, чтобы потом другой мастер тоже понял, что здесь было.

Он посмотрел на неё снизу вверх.

— Я не собирался прятать.

— Я не говорю, что прятать. Ты починишь, а я останусь с дыркой и объяснением, что теперь всё хорошо.

Павел поднялся. Отряхнул ладони, хотя они не были испачканы.

Вера почти сказала, что он всегда разбирался с претензиями. Вспомнила, как охотно взялся осенью за стойку, как проверял основание, когда она уже торопила с установкой. Но стойка стояла в другом помещении, под другими вещами. Нелли о ней не спрашивала.

— Фотографии есть, — сказал Павел. — Но по ним не всё видно. Если хотите другого, пусть посмотрит до регулировки.

— Хочу.

Он открыл сумку и достал маленькие ножницы и пинцет.

— Ткань снимем? Не запускать, не проворачивать. Лапку подниму рычагом. Если держит металл — остановимся.

Нелли сама включила запись на телефоне и поставила его так, чтобы были видны руки и рабочая зона. Павел подождал, пока она устроит телефон. Вера поддерживала свободную часть полочки на столике, не подтягивая её к себе.

После подъёма лапки стало видно, что ткань удерживала нить; оставшаяся часть иглы была выше и не входила в материал. Павел перерезал нити. Полочка освободилась без усилия. Нелли перенесла её на раскройный стол, не складывая.

Теперь повреждение было видно целиком. Короткий рваный след уходил за линию будущего шва, несколько нитей оказались вытянуты. В одной из складок ткани блестел тонкий металлический кусочек.

— Там остался, — сказала Вера.

Нелли сняла его крупно. Павел вынул обломок пинцетом и положил отдельно от первых двух. Верхнюю часть иглы снял из держателя; Нелли сфотографировала и её. Сумку с инструментом он отодвинул, больше ничего не доставая.

Осипова провела рядом с повреждением пальцем, не касаясь разлохмаченного края.

— В припуск не уйдёт.

— Можно посмотреть после утюга… — начал Павел.

— После утюга дырка никуда не уйдёт.

— Я про зацепку.

— А я про дырку.

Он замолчал.

В дверях появился Кленов. Белкина отступила, пропуская его, но он остался на пороге.

— Что у нас?

Нелли повернулась.

— У меня испорчена деталь пальто.

— Маргарита сказала, игла. Никого не задело?

— Нет.

— Уже хорошо.

Осипова посмотрела на него так, что он не стал развивать мысль.

Кленов подошёл к столу, наклонился над полочкой. Руками не трогал.

— Давайте без собрания. Павел посмотрит, я по ткани помогу узнать. Между собой решим, зачем сейчас на весь корпус?

— Я на весь корпус не говорила, — ответила Нелли. — Я позвала человека, который здесь работал.

— Я не вам. Тут уже вчера…

Он не закончил. Из соседней комнаты донёсся шум машины, короткий, уверенный. Вера почувствовала, как неприятно он прозвучал в тишине Неллиной мастерской.

— Вчера другая машина была, — сказала она.

— Я понимаю. Но если каждую жалобу сразу разносить, мы ничего не успеем сделать.

— А если сделать прежде, чем понять? — спросила Осипова.

Кленов повернулся к Павлу:

— Что здесь по работе было?

— По листу сверю. Сейчас на память перечислять не буду.

Павел отвечал, глядя на машину. Вера знала эту его манеру: сначала точно назвать поломку или действие, потом уже всё остальное. Сегодня он не называл.

— Можно к нам в ремонтную перенести, там свет лучше, — предложил Кленов.

— Нет, — сказала Нелли. — Здесь останется. Для света лампа есть.

— Она вам место займёт.

— Моё место.

Он чуть поднял ладони.

— Хорошо. Не переносим.

Нелли собрала обломки в небольшую прозрачную коробку из-под фурнитуры, разделив их сложенными полосками бумаги. На крышке написала дату. Повреждённую полочку разложила на чистой ткани. Остаток отреза лежал рядом; теперь Вера иначе видела его размер. Даже развернув поперёк, большую деталь из него было не выкроить.

— Всё пальто пропало? — спросил Кленов.

— Нет. Полочка повреждена. Остальные детали целые, — ответила Осипова. — Мне не нужно считать целое пальто испорченным. Но и маленькой дырочкой, которую никто не заметит, это не станет.

— Я этого не говорил.

— Зато сейчас кто-нибудь скажет.

Павел застегнул сумку. Движение вышло не с первого раза: край ткани попал под молнию. Он освободил его, застегнул снова.

— Сегодня ничего не регулирую. Принесу перечень, что делал. Снимки мне пришлёте?

— Пришлю. Исходные у себя оставлю.

— Оставляйте.

Он сказал это резко. Нелли не ответила.

Вера помогла ей сверить, все ли сделанные фотографии сохранились. На одном снимке повреждение было закрыто тенью руки, зато на следующем хорошо видно. Удалять первый Нелли не стала. Видео освобождения ткани тоже осталось в телефоне.

— Я сейчас клиентке позвоню, — сказала она. — Мне надо одной.

Белкина первой вышла в коридор. Кленов задержался, словно ещё собирался предложить решение, но Осипова уже взяла телефон и отвернулась к окну.

***

Павел ждал возле закрытого шкафа с уборочным инвентарём. Рабочая сумка стояла у ноги. Вера увидела его и остановилась, хотя до половины первого оставалось совсем немного.

— Скажи им, — произнёс он.

— Что именно?

— Что я такого сделать не мог.

Вера поправила папку под мышкой.

— Этого я сказать не могу.

Павел отвёл взгляд. Челюсть у него напряглась; он наклонился за сумкой.

— Ясно.

— Подожди. Я слишком коротко ответила.

— Зато понятно.

— Нет, непонятно. Я не думаю, что ты нарочно портишь людям вещи. Но правильно ли сделан этот ремонт, я не знаю.

Он выпрямился.

— Ты понимаешь, как это звучит?

— Понимаю, что тебе неприятно.

— Не неприятно мне.

Павел сказал громче, чем собирался. У дальней двери показалась женщина с пустой коробкой, посмотрела в их сторону и ушла обратно. Он подождал, пока дверь закроется.

— Вчера у вас занятие остановлено. Сегодня здесь. Завтра скажут, Корнеев опять. И всё. Дальше хоть объясняй, хоть не объясняй.

— «Опять» здесь не подходит.

— Им подходит.

Вера посмотрела на его руки. Он держал ручку сумки обеими, большим пальцем тёр старый шрам у запястья.

— После Ремезова тоже говорили: надо проверить, — сказал он. — А смотрели уже как надо.

Имя прозвучало негромко. Вера ощутила знакомое неприятное тепло у основания шеи. Она помнила не только чужие взгляды. Помнила свой первый ответ, которым попыталась отодвинуть от себя ошибку.

— Тогда я сама сказала неправду, — ответила она. — Потом исправила. Это не даёт мне права сейчас говорить за то, чего я не видела.

— Я тебя не прошу врать.

— Я знаю. Но ты просишь сказать людям, что твоя работа не могла привести к повреждению. Я этого не знаю.

— А что я не стал бы специально — можешь?

— Могу сказать, что не считаю тебя человеком, который делает это нарочно.

Он качнул головой.

— Вот это ваше «считаю».

Вера устала стоять с папкой. Переложила её в другую руку. Ей хотелось назвать что-нибудь весомое: двадцать с лишним лет знакомства, его помощь, работы, которые он делал хорошо. Всё это было правдой. И ничего не отвечало на вопрос, почему у Нелли порвалась полочка.

— Паша, у неё сейчас заказчица ждёт примерку. Она не обязана сначала убедить тебя, что ты хороший человек, а потом спрашивать про машину.

— Значит, ты на её стороне.

— Я здесь не для того, чтобы выбирать между вами.

— Удобно.

— Мне неудобно. Я хотела, чтобы ты посмотрел мою пробу и оказалось, что там простая настройка. И здесь хотела того же. Только я не могу от этого отталкиваться.

Он поднял сумку.

— Свою пробу оставь Маргарите. Посмотрю.

— Она у меня с записями. Я передам.

Павел кивнул. Разговор был закончен не потому, что они договорились. Он пошёл к ремонтной комнате, придерживая сумку так, чтобы та не ударялась о ногу.

Вера вернулась к Белкиной. Оставила конверты с пробами на согласованное время, показала, где лежат записи. Белкина спросила, будут ли они сегодня заканчивать расчёт комнаты.

— Давайте завтра утром, — ответила Вера. — Сегодня я уже начну путать.

— Хорошо. Только не потеряйте лист.

— Не потеряю.

Из-за двери Осиповой доносился её голос:

— Да, я понимаю. Вы специально день освободили… Нет, приезжать пока не надо. Я сама вам сообщу, когда можно.

Вера прошла мимо, не замедлив шага.

Дома она поставила разогреваться еду и достала тетрадь. Две записи получились разными по объёму: рассказ Нелли занимал почти страницу, собственные наблюдения — меньше половины. Вера перечитала их, убрала из своего описания слово «удар»: удара она не слышала. Оставила то, что видела по приходу, и отдельно — освобождение ткани при отключённом питании.

Участницам всё ещё был обещан расчёт. Она составила предложение по частичному возврату за первую встречу, приложила описание проведённой ручной части и попросила ответить каждую отдельно. Оставшиеся две встречи пока не отменяла, но и не обещала наверстать на них потерянную практику.

В общем рабочем разговоре появилось сообщение: «У Осиповой тоже машина сломалась?» Следом кто-то спросил, не пора ли всем прекратить шить.

Вера набрала: «Павел много лет…»

Посмотрела на эти три слова и стёрла их.

Написала только, что машина Осиповой остановлена после поломки иглы, никто не пострадал, причина ещё не установлена. За остальные рабочие места отвечать она не могла. Отправила и закрыла разговор.

Нелли получила от неё другое сообщение — с предложением передать запись того, что Вера увидела уже после остановки и при снятии детали. Та ответила не сразу.

Павлу Вера написала, где оставила пробы, и добавила: «Я не отказываюсь с тобой разбираться. Но заранее подтверждать результат не буду». Прочитала последнее предложение ещё раз. Смягчить его можно было лишь до другого смысла. Она отправила.

Суп успел остыть. Вера вернула кастрюлю на плиту, вымыла руки и достала тарелку. Из комнаты был виден жилет на плечиках, с ещё не обработанным входом в карман. Сегодня она не собиралась ни заканчивать его, ни убирать ради чужих бумаг.

Телефон загорелся, когда Вера села за стол.

«Пришлите запись, — написала Нелли. — Примерку перенесла. Она расстроилась, но согласилась ждать нового срока. Теперь надо этот срок понять».

Вера ответила, что пришлёт вечером. У Павла под её сообщением ответа не было.

На фотографии, присланной Нелли следом, серая полочка лежала уже без машины, на чистом раскройном столе. Карман оставался ровным. Возле намеченного шва темнело повреждение, которого утром не было.

Глава 4. Помощник с коробкой

— Мне нужна коробка, которая закрывается, — сказала Осипова. — Не глубокая. Чтобы внутри не каталось.

Тимофей вытянул из-под стола длинную картонную крышку.

— Такая?

— Это половина коробки.

— Вторая где-то здесь была.

Он положил крышку на край верстака. Павел, не поднимая головы, переставил её на подоконник: на верстаке лежали разобранные ножницы и светлая тряпка с мелкими винтами.

Вера остановилась в дверях ремонтной комнаты. Она пришла шестнадцатого мая к Белкиной закончить расчёт за занятие, но Маргарита попросила несколько минут подождать: нужно было принять доставленную фурнитуру. Увидев Осипову в коридоре, Вера пошла за ней. Нелли искала упаковку для старой детали, снятой с её машины при обслуживании. Хотела сохранить её вместе с остальными материалами до осмотра другим мастером.

Вчерашнюю пластину с машины не снимали. На вопрос об этом Павел ответил сразу, ещё прежде, чем Вера успела его задать:

— У Нелли ничего не трогали. Это прежняя, которую заменили.

Он говорил с ней ровно, без вчерашней резкости, но смотрел мимо. Вера поздоровалась второй раз, уже лично с ним. Павел кивнул.

На табурете у двери сидел мужчина с оверлоком в сумке. Молния сумки не сходилась над ручкой; мужчина держал её за оба края, словно надеялся, что они постепенно приблизятся. На полу у его ног стоял пакет с педалью и проводом.

— Я только узнать, когда можно забрать, — сказал он Вере, хотя она ничего не спрашивала.

Тимофей присел перед нижней полкой. Там лежали сложенные коробки, два рулона упаковки и открытый ящик с пакетами. Он вытянул плоскую коробку, заглянул внутрь и поставил на свободный стул. В картон упирался край металлической детали.

— Здесь занято, — сказал он. — Сейчас другую найду.

Осипова подошла ближе.

— Моя там?

— Ваша отдельно. Вот, подписано.

Он показал небольшой свёрток, не разворачивая. На полоске бумаги было имя Нелли и дата. В коробке лежали ещё пакеты: какие-то с надписями, один просто перехвачен резинкой. Длинный ремень был уложен по стенке, а сверху торчал лист с перечнем.

— Это всё снятое? — спросила Вера.

— Что велели складывать, то и складываю.

— Тимофей, без этого, — сказал Павел. — Человек нормально спросил.

Помощник не ответил. Он отодвинул коробку, чтобы не задеть её локтем, и снова полез на полку.

Вера села на освободившийся край табурета у стены. Ей не хотелось стоять над Тимофеем. Он и так работал на корточках, в неудобном углу, где приходилось поворачивать голову между ножками стола.

Мужчина с оверлоком посмотрел на него, потом достал телефон.

— А ты машину продаёшь?

Тимофей замер с пустой коробкой в руках.

— Продаю.

— Мне вчера прислали. Я жене искал, чтобы дома была. Там со столом вроде?

— Со столом.

— Так это у вас здесь восстановленная?

— Нет. Моя.

Мужчина повернул телефон к Павлу.

— Я потому и спросил. Написано, полностью рабочая. Можно проверить при покупке.

Павел отложил отвёртку.

Вера увидела короткий пересланный текст: «Продам швейную машину со столом и электроприводом. Рабочая, проверка на месте. Самовывоз». Ниже стояли имя Тимофея и номер телефона. Самого объявления на площадке мужчина не открывал; фотографий в пересылке не было.

— Это твоё? — спросил Павел.

— Да.

— Когда выставил?

— На этой неделе.

В комнате стало слышно, как в соседней мастерской несколько раз коротко запустили машину. Осипова всё ещё держала пустую коробку, которую Тимофей наконец нашёл. Она поставила её рядом со своим свёртком.

— Нелли, сейчас, — сказал Павел.

— Я никуда не тороплюсь с этим. Мне только моё отложите.

— Отложено.

Он посмотрел на открытую коробку со снятыми деталями.

— Это ты вчера собирал?

— Я и раньше собирал.

— Ведомость закончена?

— Не вся.

Мужчина убрал телефон, но вопрос уже остался в комнате. Вера поймала себя на том, что тоже смотрит не на свёрток Осиповой, а на пакеты без надписей.

Ещё минуту назад это были вещи, для которых не нашлось подходящей упаковки. Теперь хотелось узнать, что именно Тимофей мог унести.

***

Павел вытер пальцы о тряпку. Сложил её, развернул снова.

— Давай объясни нормально. Что за машина?

— Моя домашняя. Я её купил.

— Для чего?

— Себе. Теперь продаю.

— Ты здесь работаешь вторую неделю и уже оборудование продаёшь.

— Я его не здесь купил.

Вера посмотрела на Павла. Он говорил тише, чем вчера, и от этого каждое слово звучало отдельным требованием. Тимофей стоял между стулом с коробкой и столом, не имея возможности отойти, не попросив кого-нибудь подвинуться.

— Вы же объявление прочитали, — сказал он. — Там не написано, что она отсюда.

— Там вообще не написано, откуда она.

— А надо всю жизнь в объявление поместить?

— Не дерзи.

Осипова забрала свёрток со своей фамилией.

— Мне вот это можно унести?

Павел кивнул. Она положила его в найденную коробку, проверила, не придавит ли крышка, и повернулась к Вере.

— Я у себя. Если Маргарита будет искать.

Нелли ушла. Мужчина с оверлоком поднялся следом, но Павел попросил его оставить машину.

— К трём позвоню. Пока ничего не делаю, посмотрю, что нужно.

Мужчина поставил сумку у стены и вышел с пустыми руками. Телефон убрал в карман уже за дверью.

Тимофей проводил его взглядом.

— Он теперь что жене расскажет?

— А ты мне расскажи, — ответил Павел. — Почему я о твоих продажах от клиента узнаю?

— Потому что я не у вас её продаю.

Павел взял со стула лист. На нём были названия деталей, номера и отметки, сделанные разными ручками. Вера не могла прочесть всё с места, да и не пыталась. Павел провёл пальцем по одной строке.

— Здесь твоя подпись?

— Моя.

— Ты эту коробку принимал?

— Мне передали, я поставил.

— Не куда поставил. По количеству принимал?

Тимофей наклонился к листу.

— Это не всё отсюда. Вы сейчас две записи вместе смотрите.

— Я смотрю твою отметку. Здесь стоит «принял».

— Я вижу, что стоит.

— Так сколько было?

— Надо по пакетам сверить.

— А тогда ты что сверял?

Тимофей потёр ладонью бок шеи. На костяшке у него была свежая ссадина, уже подсохшая. Вера вспомнила, как при первой встрече он спросил у Павла, можно ли посмотреть следующий узел самому. Тогда в его вопросах было нетерпение; теперь он подбирал ответы так, чтобы не дать ничего лишнего.

— Я не могу сейчас назвать по памяти.

— По памяти и не надо. Запись покажи.

— Здесь надо спокойно разобрать.

Павел опустил лист. Вера услышала в ответе Тимофея уклонение и сразу почувствовала облегчение, которого стыдиться ещё не успела. Выходило, что дело могло быть в чужой небрежности, в том, чего Павел не видел и не поручал. Со вчерашнего дня ей очень хотелось найти такое место.

— Тимофей, — сказала она, — так покажите, что ничего не пропало. Вместе пересчитаете, и вопрос снимется.

Он повернулся к ней.

— Что пропало?

— Я не говорю, что пропало. Чтобы не оставалось…

— Вы сказали: покажите, что ничего не пропало. А с чем считать? Тут то, что с машин снимали. Мне велели сюда складывать. Я складывал.

— Кто велел? — спросил Павел.

— Вы. Снятое отдельно, не выбрасывать, подписывать по рабочим местам. Разве не так?

— Подписывать. А у тебя половина без подписей.

— Не половина.

— Хорошо, не половина. Сколько?

Тимофей сжал губы. Вера уже хотела предложить ему сесть и начать с верхнего пакета, но он передвинул коробку на середину стула.

— Я при всех доказывать, что я не вор, не буду.

— Тебя никто вором не назвал, — сказала Вера.

Он посмотрел на неё, и она поняла, насколько мало это меняло.

Дверь открылась. Кленов вошёл с пачкой накладных под мышкой, увидел Павла с листом и остановился.

— Что случилось?

— У нас тут человек торгует машинами, — сказал Павел.

— Своей машиной, — поправил Тимофей. — Я уже три раза сказал.

Кленов положил накладные на подоконник, поверх пустой картонной крышки.

— Машиной, которую здесь обслуживали?

— Нет.

— Тогда документы на свою покажете, если потребуется. А что с коробкой?

— Учёт не закончен, — ответил Павел. — Приём подписан, количество сейчас сказать не может.

Кленов посмотрел на лист, но брать не стал.

— По снятым деталям Тимофей собирал. Я в эти пакеты не заглядывал. Тут вам самим нужно восстановить, что с какой машины.

Он не повысил голоса и не стал смотреть в коробку. От этого его слова показались Вере спокойнее и надёжнее Павловых вопросов.

— Я могу закончить, — сказал Тимофей. — Только не так.

— Как? — спросил Павел.

Помощник провёл рукой над стулом, над листом, над всеми ними.

— Не вот так.

Павел некоторое время молчал. Потом положил перечень на верстак.

— Сегодня к оборудованию не подходишь. И дальше пока не выясним. Ключ оставь.

Тимофей достал из кармана маленькую связку. Снял один ключ, положил рядом с отвёрткой. Вера заметила, что он делает это медленно, удерживая кольцо ногтем.

— За сделанное когда?

— Посчитаем.

— Вы мне напишите. Чтобы я не ходил спрашивать.

— Напишу.

— И список, что вы хотите сверять, тоже.

Павел не ответил. Тимофей снял с крючка куртку, достал из-под стола рюкзак. Из бокового кармана торчала бутылка с водой. Он вынул её, проверил крышку и засунул глубже.

Вера отступила от двери. Ей хотелось сказать, чтобы он хотя бы оставил фотографии своей машины, но после вопроса о пропаже ещё одна просьба прозвучала бы продолжением того же разговора.

Тимофей взял с подоконника контейнер с едой. Под ним осталось круглое влажное пятно.

— Коробка здесь, — сказал он Павлу. — Никуда я её не уносил.

— Вижу.

Тимофей вышел. Не хлопнул дверью: она упиралась в резиновый ограничитель и всё равно не закрылась бы с шумом.

Кленов поднял накладные.

— Сейчас лучше не продолжать. Пусть остынет.

Павел взял отвёртку и положил обратно.

— Я ему работу дал.

Вера посмотрела на оставленный ключ. Сказать, что Тимофей должен был это оценить, было бы проще всего. Она не сказала.

***

Белкина нашла Веру в ремонтной через десять минут.

— Вы ещё надолго? Мне подписи ваши нужны, а не со стола всё это переносить.

Она держала два экземпляра расчёта. За помещение и свет во время сокращённой встречи они согласовали пятьсот рублей; за использование неисправной машины платы не было. Вера прочла время, перечень фактически использованного и итог. Подписала свой лист, перевела деньги. Белкина дождалась подтверждения и убрала телефон.

— Пробы ваши я Паше отдала, — сказала она. — Конверты все три. На столе у него.

Павел показал на папку возле лампы.

— Здесь. Пока только посмотрел строчки.

— Мне нужно знать, что я могу сказать участницам про следующее занятие, — ответила Вера.

— Я сейчас тебе этого не скажу.

— Я не прошу обещать. Когда ты эту машину после ремонта проверял?

Павел повернулся к ней всем корпусом.

— Ты думаешь, я её вообще не проверял?

— Нет. Хочу понять порядок. Принял, сделал, проверил. Потом как она вернулась?

Белкина осталась у двери. Кленов, уже собиравшийся уходить, положил свою папку на край подоконника.

Павел достал телефон.

— Седьмого принимали. Вот.

Он открыл рабочую переписку и нашёл серию снимков. На первом машина Белкиной стояла ещё до обслуживания. В кадр попали край столешницы, белая четвёрка и зелёный шнурок ножниц. На другом была снята сама головка сбоку — металлический корпус с механизмом, установленный в стол. Павел увеличил изображение. На заводской табличке читались обозначение модели и ряд цифр.

— Это отдельно снимаю, — сказал он. — Чтобы не было «та серая, которая у окна».

— Мне такие же присылали, — подтвердила Белкина. — Я сохранила.

Павел пролистнул дальше. У следующей машины табличка была в другом ракурсе, но тоже читалась.

— А это?

— Лаптева. Евгений обивкой занимается. Здесь рядом, через две комнаты.

Вера видела его фамилию на двери, но с самим мастером ещё не разговаривала.

На общем снимке возле машины стояла карточка с другим крупным номером. Павел вернулся к экрану с перечнем заданий. Там напротив работ были записаны короткие обозначения: место и фамилия.

— Почему здесь четвёрка, а на табличке длинный номер? — спросила Вера.

— Четвёрка — стол Маргариты, — ответил он. — Не заводской. По цеху так удобнее. Нелли говоришь «пятое место», и она знает, о чём речь. А серийный на головке.

— У меня и на ящике четвёрка, — сказала Белкина. — Когда столы переставляли, наклеили. Всё искать иначе.

Вера кивнула. В этом был порядок, пусть не сразу понятный человеку со стороны. Снята машина целиком, отдельно — табличка; рядом имя хозяйки. Она почувствовала, как отпускает напряжение в плечах. Павел не просто что-то починил и забыл. У него были записи.

— Эти фотографии у тебя остаются?

— Конечно. И владельцам отправлены. Здесь исходные, не из чужой пересылки.

Он не предложил переслать Вере весь комплект, и она не попросила. Для её вопроса сейчас хватало самого порядка.

Павел открыл сообщения о готовности. Показал запись, где сообщал Кленову, что работу по четвёртому месту закончил и пробный шов выполнен. Затем — ответ о приёмке.

— После этого машина где стояла? — спросила Вера.

— У Михаила. Здесь готовое держать негде. Приходят следующие, люди забирают, проход нужен.

Кленов кивнул в сторону коридора.

— У меня отдельная комната выдачи. Там по срокам ставим. Что увозить, что хозяин сам заберёт. В ремонтной иначе не развернуться.

Вера знала эту дверь: при первом приходе видела за ней упакованное оборудование. Тогда Кленов рассказывал о своих запасах и о том, что может подобрать замену на время ремонта. Сейчас дверь была закрыта.

— А на месте у Маргариты ты ещё раз пробовал? — спросила она Павла.

— Тринадцатого я на выезде был. Возвращал Михаил.

— Мы поставили, как стояло, — сказал Кленов. — Маргарита при нас была.

— Была, — ответила Белкина. — Только не шила. Я это уже говорила.

Он открыл свою папку.

— Вот возврат. Четвёртое рабочее место, Белкина. Дата, получение.

Маргарита подошла ближе.

— Моя подпись. Я не отказываюсь, что получила.

Вера посмотрела на строку. В ней был тот же номер, который она видела на столе шестого и четырнадцатого мая. Возврат не затерялся между словами: имелись дата, получатель, отметка. Ей захотелось вернуться к Тимофеевой коробке, где подобной ясности не было.

— Когда всё подписано, почему по снятым деталям не закончили? — спросила она.

— По снятым у помощника отдельный учёт, — сказал Кленов. — Я принимаю готовое оборудование и организую возврат. Мне хозяева звонят, когда им привезти, а не сколько пакетов у Паши под столом.

Павел поморщился.

— Это тоже моя работа. Не надо так.

— Я и не говорю, что не твоя. Просто порядок был такой.

Вера закрыла тетрадь, так и не сделав новой записи. Павел убрал телефон. Белкина уже смотрела на часы.

— Мне сегодня заказы заканчивать, — сказала она. — Что мы сейчас решили?

— Причину ещё смотреть, — ответил Павел. — По вашим пробам я настройки с ходу менять не буду.

— Хорошо. А до этого я здесь не шью. Вы мне только день не занимайте разговорами.

Она ушла. Кленов забрал папку и вышел за ней, остановившись в коридоре на звонок.

Павел проводил их взглядом.

— Теперь каждый заходит и ждёт, когда я при нём объясню всё сразу.

Вера убрала ручку.

— Я тоже зашла.

— Ты хоть понимаешь, что это не кнопка.

Он впервые за утро сказал ей что-то без вызова. Вера едва не ответила: «Конечно, понимаю». Вместо этого спросила, когда можно забрать пробы.

— Сегодня оставь. Потом позвоню.

— Хорошо.

Она вышла с расчётным листом в сумке. Снимки остались у Павла, оборудование — за разными дверями. В тетради у неё было значительно меньше, чем она успела за это утро решить про людей.

***

Белкина пыталась выкатить из прохода пустой столик. Одно колесо поворачивалось поперёк, и столик при каждом движении упирался в край порога.

— Тимофея попросите, — сказала Вера прежде, чем вспомнила.

Маргарита выпрямилась.

— Он ушёл.

— Знаю. Я машинально.

— Я тоже сначала крикнула.

На столике лежали две пачки молний. Белкина убрала их на полку, присела и рукой развернула колесо.

— Нужно только через порог и к стене. Сегодня утеплитель принесут, иначе рулон не положить.

— Я с этой стороны придержу.

— Не поднимайте. Он тяжёлый только кажется, но вам колено зачем.

Вера взялась за край. Пока Белкина тянула на себя, она удерживала столик от поворота. Колесо снова встало боком. Пришлось остановиться, поставить стол ровно и пройти порог по одному колесу. Это заняло несколько минут — дело, которое Тимофей сделал бы между двумя поручениями.

У стены столик встал криво. Белкина поправила его ногой и сразу вернула молнии наверх.

— Вот. А теперь мне надо кроить.

На её основном рабочем месте лежала недошитая куртка. Машина с белой четвёркой оставалась свободной. Ножницы на зелёном шнурке свисали с края, тугой ящик был задвинут не до конца.

Вера подошла к своему стулу, чтобы забрать оставленную папку. Маргарита расстелила на раскройном столе материал, подняла его край против света.

— Вы давно этого парня знаете?

— С шестого числа.

— А Паша?

— Не спрашивала.

— Тогда я не понимаю, что мы все стояли и смотрели.

Вера повернулась.

— Вы там не стояли.

— Я у двери слышала. Этого хватило.

Белкина выровняла кромку. Вера подождала, пока она закрепит ткань грузиками.

— У него есть объявление. И с учётом непонятно.

— Объявление чего?

— Машины со столом.

— Чьей?

— Говорит, своей.

Маргарита посмотрела на неё поверх стола.

— У меня дома тоже машина со столом. Не эта. Если я её продам, здесь лучше не говорить?

— Я не это имею в виду.

— Я понимаю, что вы имеете. Только мне от его ухода сейчас ни одна машина лучше не стала.

Она взяла длинную линейку и больше на Веру не смотрела. Разговор закончился не сердито, а по рабочей необходимости: Маргарите нужно было успеть раскроить до доставки.

Вера села у окна. На телефоне появились ответы двух участниц, согласных с предложенным возвратом. Она отметила их имена на своём расчётном листе. Остальные пока не ответили; писать за них общее согласие было нельзя. Вера отложила лист и открыла тетрадь на сегодняшней странице.

Пока Павел спрашивал Тимофея, она успела записать несколько коротких строк, почти не глядя на бумагу:

«Объявление — машина со столом. Подтвердил. Коробка. Детали забрал Тимофей. Приём — его подпись, количество не назвал».

Вера прочла третью строку ещё раз.

Она не видела, чтобы Тимофей откуда-нибудь забирал детали. Видела коробку на полке, пакеты и его руки, вытаскивавшие пустую упаковку. Слышала, как он сказал, что складывал снятое по поручению Павла. Павел этого не опроверг.

Из коридора показался сам Павел. Он нёс удлинитель, смотанный слишком тесно; вилка зацепилась за петлю.

— Маргарита, я этот до завтра заберу?

— Если вернёшь.

— Верну.

Он освободил вилку и посмотрел на Веру.

— Пусть теперь принесёт, что за машину продаёт. И по коробке объяснит. А то всё «не так разговариваете».

— Ты ему список пришлёшь?

— Пришлю. У меня ещё работа есть.

Вера кивнула. Ей хотелось попросить его не откладывать расчёт с Тимофеем, но вместо этого она чуть не сказала, что парень сам виноват: надо было сразу отвечать понятнее. Та же лёгкость, с которой утром возникло подозрение, снова предлагала готовые слова.

Павел подождал и ушёл. Удлинитель качнулся в его руке; свободный конец ударил по дверному косяку.

Вера провела ручкой одну черту через слово «забрал». Оно осталось читаемым. Над строкой написала: «собирал по поручению». Ниже добавила: «Со слов Тимофея — продаёт свою домашнюю машину. Не проверено».

Исправление заняло меньше минуты.

Она закрыла тетрадь, подошла к дверям ремонтной и заглянула внутрь. Павел разговаривал по телефону, прижав его плечом к уху, и одной рукой пытался освободить место для принесённого оверлока. На стуле всё ещё стояла открытая коробка. Пустая упаковка, которую искал Тимофей, лежала у его прежнего места.

Вера не стала окликать Павла. Для разговора с помощником ей теперь пришлось бы отдельно просить время. До сегодняшнего утра он просто был здесь.

Глава 5. Стол уезжает

Мужчина у Белкиной держал в руках два куска обивочной ткани, сложенных лицом к лицу. Пока Маргарита освобождала стол, он несколько раз провёл большим пальцем по шву.

— Не дёргайте, — сказала она. — Сейчас нитку вытянете, и вообще смотреть будет нечего.

— Она сама вытягивается.

— Вот и оставьте.

Вера остановилась у входа. Восемнадцатого мая она пришла забрать оставшиеся картонные пособия и выяснить, на что рассчитывать к следующей встрече. Папку с пробами Павел пока не вернул. Из ремонтной комнаты не было слышно ни его голоса, ни коротких вопросов Тимофея; за стеной стучала только машина одной из мастериц.

— Проходите, — сказала Белкина. — Это Евгений Лаптев. Обивкой занимается, через две комнаты от меня. Евгений, Вера Андреевна, у нас занятия ведёт.

— Вела, — уточнила Вера. — Пока одно.

Лаптев кивнул, не выпуская образца.

На его ткани нить местами потеряла плотную скрутку. У края торчал светлый пушок, дальше шла затянутая петля. Вера пододвинула очки, но в руки образец не взяла.

— Это после возврата получилось?

— Вчера. На моей. Я сначала подумал, катушка плохая. Перезаправил, другую поставил. Всё равно цепляет. Не каждый раз, а как раз когда решил, что прошло.

Он развернул куски. С изнанки шов выглядел иначе, но Вера не стала называть причину по тому, где собралась нить.

— На таком материале раньше шили?

— Да у меня полкресла из него готово. Вот боковины остались. Человеку в понедельник забирать, он уже машину на дачу договорился взять. Мне бы сегодня закончить.

Он посмотрел не на спорную машину с белой четвёркой, а на ту, за которой теперь работала Белкина. Возле неё лежали детали песочной куртки.

— Маргарита, мне час. Даже меньше. Прямые участки, не буду ничего перестраивать.

— Ты с моими куртками потом разговаривать будешь?

— Вечером могу.

— Вечером я тоже могу. Поэтому и сижу.

Лаптев сложил ткань, на этот раз осторожно. Вере стало понятно, что он пришёл прежде всего не жаловаться. Образец был с собой потому, что иначе просьба о чужой машине выглядела бы как желание сэкономить на своей.

— У меня челночный комплект недавно обслуживали, — сказал он. — Я за него отдельно платил, чтобы потом сюда не возвращаться. Мастер тогда показал, что сделал, снимки прислал. Шила хорошо. А теперь после общего обслуживания хуже.

— Снимки остались? — спросила Вера.

— Наверное. В переписке.

— Лучше найдите.

— И что я с ними буду делать? На фотографии он хороший. Мне сейчас нужен хороший в работе.

— Можно будет показать тому, кто станет смотреть. Чтобы не объяснять с нуля.

Он пожал плечами. Белкина тем временем свернула длинную деталь куртки и убрала её на полку, освободив место для его образца.

— С Михаилом Савельевичем говорил? — спросила она.

— Написал вчера. Сказал, сегодня подойти. Я пришёл, а у него отправка.

— Значит, подойдёт сюда, как освободится.

Вера сняла сумку и поставила на скамейку. На машине с четвёркой всё ещё висели ножницы на зелёном шнурке. Сесть и сделать ещё одну пробу было бы просто; гораздо труднее было бы потом объяснить, что именно она этим проверяла.

— После возврата что-нибудь ещё делали с машиной? — спросила она Лаптева.

— Что делали?

— До этого образца. Шили, меняли нитку — это вы сказали.

Он посмотрел на шов, потёр место, где нить распушилась.

— Да обычное всё. Пробовал, искал, почему не идёт. Я же не могу рядом с ней сидеть и ждать, когда она сама объяснит. Суть-то в том, что до ремонта такого не было.

— Я не мастер по оборудованию, — сказала Вера. — Просто потом лучше по порядку рассказать.

— Вот мастеру я и расскажу.

Ответ был не грубый, но дальше спрашивать он явно не приглашал. Вера отошла к шкафу за пособиями. За её спиной Белкина предложила ему время после шести — если она успеет закончить свои куртки.

— Не обещаю раньше. И материал сначала покажешь, чем шить собрался.

— Я заплачу.

— За час возьму. За обещание, что машина тебе подойдёт, не возьму.

Лаптев впервые усмехнулся.

— Хоть так. Я пока скобы добью.

Он убрал образец в прозрачную папку, оставив шов расправленным.

***

Аделина Савина пришла со связкой ручек для сумок. Длинные полосы плотной тесьмы были стянуты резинкой; одну она всё время вытягивала из общего пучка и возвращала обратно.

— Михаил Савельевич здесь?

— Сейчас будет, — сказала Белкина. — Вы тоже по ремонту?

— По тому, что после него.

Савина положила ручки на подоконник, но тут же спросила, не грязно ли там. Маргарита принесла ей лист упаковочной бумаги.

Вера знала её только в лицо: видела у общего раскройного стола, где Аделина размечала одинаковые прямоугольники и раздражалась, когда их называли мешочками. Теперь на столе перед ней лежали ручки двух длин, разложенные отдельно. Она заметила, что одна короткая попала к длинным, и молча переложила.

— У вас тоже нить цепляет? — спросил Лаптев.

— Нет. У меня с нитью нормально. Мне нужно медленно входить в участок и останавливаться там, где я хочу. Раньше я могла. Сейчас нажимаю — ждёт. Нажму ещё — уже слишком быстро.

— Педаль, может?

— Может. Я не знаю. Я знаю, что у меня теперь либо ползу, либо пролетаю отметку. На ручках это видно сразу. Шесть одинаковых креплений сделаю, седьмое распарываю.

Она говорила без повышения голоса, но Белкина отодвинула свой чай от края стола: Аделина, показывая длину строчки, едва не задела кружку.

— Я в марте поставила сервопривод, — продолжила Савина. — С управлением вместе. Не новый к старому блоку, а комплект. Именно чтобы на малой скорости нормально работать. Мне показали, как ограничить скорость, я записала. До этого заказа всё устраивало.

— Сами покупали? — спросила Вера.

— Сама платила. За оборудование и установку. Накладная дома, в папке. Там и номера есть, установщик попросил сохранить. Ещё фотографию сделал после монтажа, прислал: если что, сначала ему показывать, а не крутить всё подряд.

— Ему писали?

— Он сейчас на другом выезде. Ответил, чтобы я ничего не настраивала наугад. Я и не настраиваю.

Она поправила резинку на ручках. Лаптев смотрел в окно.

— А здесь мне говорят: привыкнете, — добавила Аделина. — Я к прежнему тоже не за один день привыкла. Только я за это заплатила, а не за новую привычку каждый месяц.

В дверях появился Кленов.

— Кто говорит — привыкнете?

— Вы вчера по телефону.

— Я сказал, что после обслуживания может понадобиться проверить настройки под вашу работу.

— Нет. Про работу вы спросили потом.

Кленов не стал спорить о точных словах. Он снял со свободного стула картонную прокладку и сел, положив её себе на колени.

— Давайте так. Претензию я принял. По каждой машине разберёмся, что после обслуживания изменилось. Павел сегодня приедет, посмотрит.

— У него уже две стоят, — сказал Лаптев.

— Поэтому и не надо сейчас всем одновременно лезть в регулировки. У нас пакет работ, есть исполнитель. Будем предъявлять ему конкретно, а не говорить, что всё плохое.

Сказано было разумно. Вера сама несколько раз за последние дни пыталась отделить конкретное от общего. Но теперь, слушая Кленова, она заметила, как легко три разных рассказа помещались в одну фразу — «после обслуживания».

— У Маргариты пропуски на утолщении и материал идёт неровно, — сказала она. — У Евгения цепляет нить. У Аделины вопрос к разгону и остановке. Их ведь по-разному смотреть надо?

— Конечно, по-разному, — ответил Кленов. — Но предъявляются претензии к одной услуге. Для этого я их и собираю. Вы не волнуйтесь, на вас никто техническую часть не перекладывает.

— Я про неё и не берусь.

Савина повернулась к нему:

— Мне не нужно собирать всё в одно. Мне к среде сдать партию. Заказчик дал свои нашивки, у него отправление по датам. Я могу здесь сегодня не шить, завтра не шить. В понедельник уже не могу.

— Я понимаю.

— Тогда скажите, что делать в понедельник.

Кленов поднялся.

— Сейчас отправлю машину и займусь вашими обращениями. До вечера отвечу по порядку осмотра.

Белкина убрала со стола пустую кружку.

— И до вечера вы здесь не сидите. Мне ещё работать. Вера Андреевна, ваши картонки внизу, я их не переставляла.

Вера присела у шкафа. Пособия лежали в том же большом пакете: разрезы многослойных участков, бумажные полосы с последовательностью операций. Она проверила, не загнулся ли край одного из них.

— По двадцать первому у вас ответа нет? — спросила она Маргариту.

— Готовности нет. Комната есть. Машину обещать не могу.

Из коридора донёсся грохот колёс на пороге.

— Дайте пройти! Стол пойдёт!

Кленов сразу вышел.

***

Вера успела отставить пакет с пособиями к стене, прежде чем в проёме показалась широкая тележка.

Двое рабочих вывозили из комнаты Кленова промышленную машину вместе со столом. Подвижные части были закреплены, сверху и по углам лежали защитные прокладки. Светлая столешница наполовину скрывалась под картоном; ниже виднелись ножки, поперечина, упакованная педаль. Шнуры не волочились по полу — их собрали и прикрепили под столом.

— На пороге не тяните за верх, — сказал Кленов. — Внизу беритесь. Я придержу с этой стороны.

Один из рабочих перехватил ручку тележки.

— Да знаю я.

— Тогда не спешим. Правым колесом сначала.

Вера прижалась к дверному косяку. Сзади Аделина подхватила свои ручки с подоконника, чтобы освободить место. Дверь Белкиной стремилась закрыться; Вера упёрлась в неё плечом и позвала женщину с рулоном, которая уже шла навстречу из дальнего конца коридора:

— Подождите там минуту. Сейчас не разойдётесь.

Женщина остановилась, прислонив рулон к бедру.

Тележка прошла порог с коротким толчком. Кленов удерживал не саму машину, а край стола через прокладку. Потом присел, проверил, не съехало ли крепление.

— Вот тут ещё защита нужна, — сказал он. — Ремень об край перетрётся.

Рабочий достал из кармана сложенный кусок плотного материала.

— У нас в кузове есть.

— Поставим сейчас.

Кленов расправил прокладку и подложил её под ремень. Действовал быстро, без поисков, куда деть руки. Вера вспомнила собственную стойку на октябрьском показе: Павел тоже замечал соединение раньше, чем она успевала увидеть, что оно вообще может разойтись. Здесь Михаил Савельевич никого не ждал и не спрашивал, как закрепить.

— Это кому-то на замену? — поинтересовался Лаптев.

— Нет, отдельная продажа. Мой восстановленный комплект. Небольшая мастерская заказала ещё в апреле.

— А нам временно такой нельзя было?

— Этот нельзя. У него покупатель и срок доставки. По временной машине я вам отдельно скажу.

Лаптев отошёл. Кленов провёл ладонью по картону над краем столешницы и попросил рабочего проверить, не остался ли в комнате маленький пакет с принадлежностями.

— Пакет здесь, — отозвался второй. — По списку всё.

— В коробку его. Отдельно не везите, потеряется.

Вера видела сквозь незакрытый промежуток знакомые очертания промышленной машины, но не больше. По таким очертаниям можно было назвать её назначение; решить, где она раньше стояла, было нельзя. Таблички находились с другой стороны или под упаковкой. Вера не обходила тележку, чтобы заглянуть.

Она удерживала дверь, пока рабочий возвращался за коробкой. В комнате выдачи стало просторнее. У стены остались запасные столы, упаковка и свободная подставка; из дверей ремонтной по-прежнему никто не вышел.

— Вы и сами их восстанавливаете? — спросила Вера Кленова.

— Когда нужно. Я до перевозок наладчиком работал. Сейчас больше приёмка, комплектование, доставка. Но отрегулировать машину ещё могу.

Он сказал это без хвастовства, почти на ходу, и повернулся к рабочему:

— Крышку коробки закройте полностью. Лента на столе.

У наружной двери их ждал водитель с листами в жёсткой папке. Он показал Кленову строку, придерживая бумагу, которую поднимало сквозняком.

— Здесь одно место или два?

— Стол с установленной машиной — одно грузовое место. Коробка отдельно, второе. В перечне комплектности всё указано.

Водитель сверил свою запись. Кленов наклонился над папкой, поставил подпись, забрал свой экземпляр. Вера стояла в нескольких шагах и слышала только разговор о количестве мест. Ни имени получателя, ни условий продажи он вслух не называл.

— Сегодня довезёте? — спросил Кленов.

— По заявке сегодня. Получатель подтвердил, что будет.

— Перед выездом позвоните ему. Въезд со двора, не тащите через парадную.

Рабочие развернули тележку к выходу. Вера отпустила дверь Белкиной и вернулась за своим пакетом. Через открытое окно было слышно, как у фургона опустили трап, потом — короткие команды: «Держу», «Ещё», «Стоп». Никто не бежал следом, не просил задержать груз.

Лаптев вышел посмотреть погрузку и вскоре вернулся.

— У него всё приготовлено, — сказал он, ни к кому особенно не обращаясь. — А я теперь на вечер прошусь.

Белкина подняла на него глаза.

— Чужую продажу отменить — тебе шов лучше станет?

— Я не про отменить.

— Тогда давай про шесть часов. Если успею, напишу.

Он кивнул. С улицы донёсся стук закрываемого борта. Через несколько минут двигатель заработал, и звук постепенно удалился.

Вера вытащила из пакета одно пособие с загнутым краем. Расправила картон под ладонью. В коридоре снова можно было пройти вдвоём; женщина с рулоном миновала их дверь, и обычная работа продолжилась.

***

Павел приехал, когда Кленов уже убирал остатки упаковки из прохода. На плечо у него давила тяжёлая сумка; в другой руке он держал купленный по дороге батон.

Увидев Лаптева и Савину, он остановился.

— Вы ко мне?

— Мы к Михаилу Савельевичу, — сказала Аделина. — Он сказал, вы приедете.

Павел посмотрел на Кленова.

— Я не говорил, что к этому часу. Я только с выезда.

— Люди ждут ответа, — сказал тот. — У Евгения цепляет нить. У Аделины не устраивает работа привода. Надо посмотреть по очереди.

— Надо, — ответил Павел. — Сейчас сумку поставлю.

Он вошёл в ремонтную. Вера увидела, как он переложил батон с верстака на подоконник, где не было инструментов. На прежнем месте Тимофея стояла пустая коробка. Павел задел её сумкой, придержал и оставил как была.

Лаптев подошёл следом, но остался в дверях.

— Ты мне скажи, на сколько я опять без машины?

— Сначала увидеть надо.

— Увидишь, подкрутишь, отдашь. А я потом снова буду рассказывать, что было?

Павел выпрямился.

— А как я, по-твоему, должен ремонтировать? Не подходя?

— Подходить можно. Только давай сначала поймём, что вернулось и что с ним происходит. У Нелли вон тоже хотели сразу поправить.

— У Нелли после остановки ничего не регулировали, — сказала Вера. — И здесь пока про другое говорят.

Она произнесла это прежде, чем Павел успел ответить. Он посмотрел на неё, но кивнул.

Аделина положила пучок ручек на табурет.

— Я не хочу, чтобы сейчас просто выставили другую скорость и сказали: готово. Вы сами делали обслуживание. Кто потом подтвердит, что всё нормально?

— Вы на своих сумках проверите.

— Я проверяла. Меня не устроило. Поэтому я здесь.

Павел провёл ладонью по лбу. Вере показалось, что сейчас он снова заговорит о доверии, о том, сколько лет работает. Но он спросил:

— Что конкретно не устраивает?

Савина повторила про медленное начало, резкий разгон и остановку не там, где ей нужно. Теперь она показывала движение ногой, сидя на краю стула, и Павел задал несколько вопросов. Не перебивал, когда она не знала названия настройки.

Лаптев достал свою пробу. Павел наклонился над ней, попросил развернуть, но тянуть нить не стал.

— На машине надо смотреть, — сказал он наконец. — По лоскуту весь механизм не определю.

— Вот и я говорю, смотреть, — ответил Лаптев. — Только не один ты. Я не хочу потом выбирать между твоим словом и тем, что у меня в руках.

Кленов взял со стены веник и подмёл картонные крошки к порогу.

— Если всем нужен ещё кто-то, это отдельное время и расходы. Давайте хотя бы соберём, у кого какая претензия. А не будем на весь корпус говорить, что двенадцать машин испорчены.

— Я про двенадцать не говорил, — отозвался Лаптев. — Я про свою.

— И я про свою, — сказала Савина.

Вера раскрыла тетрадь. На чистой странице написала три фамилии, затем добавила Осипову. У каждой оставила отдельное место.

— Можно я коротко запишу, что сейчас от вас услышала? Для разговора о проверке. От вашего имени заявлений я не составляю.

Аделина придвинулась ближе.

— Напишите про начало на малой скорости. Не просто «быстро шьёт». Быстро она и должна уметь.

Лаптев попросил не писать «рвёт нить»: иногда не рвало, а только разлохмачивало. Вера исправила. Возле Белкиной записала собственные наблюдения на занятии. Возле Осиповой — повреждение детали после поломки иглы и сохранённое состояние машины. Галинина растяжимая ткань оставалась на другой странице: о её машине Вера знала ещё меньше.

Павел смотрел, как она пишет.

— А мои работы где?

— Пока не знаю, что именно ты делал на каждой.

— Я Нелли обещал перечень.

— И мне завтра покажешь задания? По Маргарите, Нелли, Евгению, Аделине. Не все двенадцать подряд.

Кленов перестал подметать.

— У Павла есть рабочий заказ.

— Вот его и покажу, — сказал Павел.

Вера закрыла тетрадь.

— Когда удобно?

Он достал телефон, посмотрел записи.

— В десять. Только без собрания.

— Сначала мы с тобой. Если понадобится спрашивать владельцев, отдельно договоримся.

— Я не всё сам придумывал, — сказал он. — Согласования принесу.

Слова были обращены к Вере, но услышали их все. Савина подняла ручки с табурета; Лаптев убрал пробу. Никто не попросил Павла немедленно доказать, что он прав. Он сам ещё немного постоял с телефоном в руке, словно ждал следующего возражения.

Вера забрала пособия. Маргарита проводила её до двери.

— До двадцать первого три дня, — напомнила она.

— Знаю. В понедельник сообщу участницам решение. Обещать, что успеют, не буду.

— И мне сообщите. Чтобы я комнату держала не просто так.

Они условились созвониться после завтрашнего разговора. На улице Вера переложила тяжёлый пакет в другую руку. Фургона уже не было. У края погрузочной площадки лежала узкая полоса упаковочной ленты; она прилипла к подошве, и Вера сняла её, выбросила в урну возле входа.

Дома она сначала поела. Тетрадь оставила в сумке: на сегодня записей хватало. Картонные пособия положила под большую книгу, чтобы выправить угол, и достала жилет.

Вход в карман всё ещё был на намётке. Вера собиралась обработать его, но, прежде чем включить машину, надела жилет поверх джемпера. Положила внутрь очечник, села. Рука входила свободно; нижний угол очечника упирался в сгиб кармана и оттягивал ткань.

Она вынула его и попробовала положить чуть наклонно. Стало лучше, но каждый раз специально устраивать очки ей не хотелось. Вера сняла жилет, увеличила глубину по бумажной детали и приметала новую мешковину из пробной ткани. На это ушёл почти час. Пришлось дважды вставать к зеркалу и один раз искать напёрсток, который оказался под работой.

Телефон лежал экраном вниз. Когда Вера проверила его, сообщений по машинам не было. Она поставила на завтра напоминание: «10:00, Павел. Задания и согласования».

Сегодня каждый приходил со своим неудобством: Лаптев — с незаконченной боковиной кресла, Савина — с ручками, которые должны выглядеть одинаково. Павел предлагал посмотреть и исправить. Люди спрашивали, кто проверит исправленное. Они говорили рядом, но пока редко отвечали друг другу.

Вера не открыла рабочий разговор. Снова надела жилет, сунула очечник в карман и опустилась на стул. На этот раз он лёг свободно. Она оставила его там, взяла с подоконника книгу и прочла несколько страниц, не придерживая карман рукой.

Глава 6. Согласовано не со мной

Павел положил перед Верой два листа, но телефон пока держал у себя.

— Сначала это прочти. Потом сообщения. А то там ответы на вопросы, которых ты не видела.

Вера придвинула стул к свободному краю верстака. Девятнадцатого мая она пришла без десяти десять и до назначенного времени подождала в коридоре: Павел заканчивал разговор с заказчиком о ножницах. Теперь ножницы лежали на сложенной ткани, рядом стояла чашка с остывшим чаем. Под ручку чашки попал угол первого листа.

— Подними, пожалуйста.

Павел переставил чашку. На бумаге осталось светлое полукольцо.

Рабочий заказ был оформлен от имени Кленова. Ниже шли отдельные задания, обозначенные фамилиями владельцев и номерами мест. Вера нашла Белкину, прочла перечень обслуживания, затем перешла к Осиповой. Здесь текста было больше.

— «Комплект рейка — игольная пластина, бывший в употреблении», — прочла она. — Это тот, который сейчас стоит?

— Да.

— Ты ставил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.